

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Расчет пуль

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Расчет пуль

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Расчет пуль / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Даже предполагать не мог «важняк» Александр Турецкий, что просьба старого друга, ответственного чиновника Министерства внутренних дел России, чья дочь подверглась дерзкому и наглому насилию со стороны бандитов, выведет следствие на людей, замышляющих очередное «преступление века». Где не оставляют живых свидетелей. А команду к началу преступной акции дает сам начальник МУРа, генерал Вячеслав Грязнов, с которым связана вся жизнь Александра Борисовича. В это трудно поверить, но...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Фридрих Евсеевич Незнанский

Расчет пульей

Глава 1

Помолвка

Все складывалось на редкость счастливо. Пока машина мчалась вдоль Садового кольца, Влад Пухальский всерьез думал о том, что удача идет к нему в руки не случайно, как некоторым другим, а вполне закономерно. Он заслуживал ее тем, что с рождения был хорош, умен и расчетлив.

Оттого весь мир создан как бы для него. Марина прижимается легким плечом – для него. С большой стены смотрят физиономии популярных артистов, предлагающих натяжные потолки, – ему интересно! Летящая дорожка рекламных огней радует его взор. А сидящая у дороги нищенка с трясущимися руками как бы показывает ему весь мир в гигантском разломе – с вершиной и пропастью. В этом мире он с рождения занял определенное место. И если переделать к лучшему мир он не может, то свое выгодное положение должен осознавать и использовать на все сто.

Марина сдалась наконец после двух недель осады. Вот она рядом. А разыгрывала девичьи капризы с таким искусством, что он чуть было не поверил. Но это понимание пришло позднее, когда уже в памяти всплывала ослепительно прекрасная обнаженная фигура. У этой юной хрупкой девочки оказались прекрасно сформированные бедра зрелой женщины, приготовленной самой природой к продолжению рода. Вот только голова была устроена по-другому и нацелена исключительно на праздник и удовольствия. Впрочем, в этом они с Владом Пухальским были единомышленны. И он, клятвенно заверив ее в стремлении жениться как можно скорее, теперь лениво обдумывал пути отхода. Зачем себе портить праздник? Марина и так принадлежит ему. И пока женитьба не связала по рукам и ногам, у него никаких обязательств – одни права. Под тихую мелодию, доносившуюся из приемника мчавшегося автомобиля, они в нежном порыве сплели пальцы, и Влад вдруг обнаружил, что его рука в запястье тоньше, чем у Марины. Да и вся она не такая уж хрупкая. И вчера проявила себя умной и зрелой, когда, устав от сопротивления, вдруг произнесла будничным тоном:

– Ну ладно! Пойдем...

У него почему-то сразу пропало желание, и он выглядел не самым лучшим образом. Ему даже показалось позднее, что она изображала любовь и удовлетворение от близости. Но женщины в любовных играх искусные актрисы. Однажды уяснив это обстоятельство, он не слишком занимал себя подобными вопросами. А одной из подружек, которая жаждала продолжения любовной игры, ответил спокойно:

– Я свое дело сделал. Теперь делай ты свое.

Он знал, что Марина влюблена в него без памяти, и никакие силы не могли изменить этого положения. Он и сам за ней охотился долго и настойчиво. И дело заключалось даже не столько в хороших внешних данных очередной приятельницы, но и в прямом расчете. Ее отец был начальником Научно-исследовательского института криминологии, изучавшего, по словам Марины, причины возникновения и роста преступности. А все связанное с криминалом, как полагал Влад, должно было обязательно иметь отношение к «кормушке». Марина же была единственной дочерью этого куркуля. Тут следовало хорошенько поразмыслить.

Отец Влада тоже был при деньгах, хотя занимался неизвестно чем. И держал сына на расстоянии от своих занятий, снабжал только деньгами, но в дела не пускал. Он выглядел всегда

жалким, тощим человечком. В сознании же Влада Пухальского прочный официальный статус всегда очень много значил.

Машины занесло на повороте, и Марина прижалась к Владу. По его расчетам, это была десятая в его жизни звезда, но самая яркая. Они договорились о помолвке, и это событие, безусловно, следовало отметить.

Влад мысленно подбирал подходящий такому случаю ресторан. Наконец выбрал увеселительное заведение недалеко от Кольцевой дороги, где бывал однажды. Он еще не сказал Марине о своем решении. По пути она хотела заехать домой, чтобы представить Влада отцу, а главное – взять еще денег и чувствовать себя полностью независимой, как она любила.

Против этого Влад Пухальский никогда не возражал. Более того – поддерживал.

Не без интереса вступил Влад в квартиру Марины Викуловой, примериваясь к тому, что со временем может стать ее владельцем.

Домик был из тех, которые строились недавно, но современный дизайн его не успел коснуться. Подъезд убран небрежно, на скорую руку. Вестибюль с дежурным охранником показался унылым, как и сам дежурный. Почтовые ящики, домофон – старой конструкции, такой же, как в исчезающих пятиэтажках. Из двух лифтов работает один. Обычная российская действительность. Но все-таки не надо подниматься пешком на девятый этаж. А если бы на шестнадцатый?

Влад уже представлял себе планировку и не ошибся. Небольшой холл, тесная кухня. Комнаты, правда, изолированные. Владелец криминальных тайн мог бы, по мнению Влада, подобрать себе жилье и побогаче. Пройдясь по комнатам, Влад скептически отметил, что у него в квартире прихожая гораздо шире. И комнаты просторнее. И люстра, не в пример ученому-криминологу, из чистого хрусталя.

Самого Викулова не было.

Большой портрет отца Марины на стене сразил Влада. Квадратное лицо с бульдожьими скулами, напряженный взгляд, точно Викулов шел на съемку с пространным рассказом об организованной преступности, о бесконечных преступных цепочках, которые скрупулезно исследует вверенный ему институт. И хозяин для большей убедительности стискивал зубы, чтобы не разразиться криком: «Ну я вам еще покажу!»

Заметив ироничный взгляд гостя, Марина с улыбкой пояснила, что портрет заказывали специально, так как у папы грядет юбилей. Она обдумывает, какой сделать подарок, и приглашает Влада принять участие. А значит, как понял Влад, приглашает на юбилей. Да иначе, по его теперешнему положению, и быть не могло.

С некоторой завистью Влад подумал, какой правильной и обеспеченной жизнью жила в этом доме Марина, окруженная родительской лаской и любовью, приученная, очевидно, ощущать себя самой лучшей, самой счастливой и красивой. Влад до этих вещей додумывался сам. В своем доме он всегда ощущал себя одиноким и непонятым. Мать вообразила, что власть над сыном дана ей природой, если уж ничего другого не отпущено, поэтому была строга, непрекаема. И когда, особенно в младшем возрасте, Влад пытался настоять на своем, в глазах матери замечал холодное бешенство, точно она была не обыкновенной почтовой служащей, а египетской царицей, способной движением пальца послать ослушника на казнь. Это ощущение постоянно совершаемой казни Влад запомнил навсегда. И кто его после этого мог упрекнуть в холодности и злости?

А у Марины все было по-другому. В ее спальне, куда Влад еще раз заглянул перед отходом, все говорило о родительской заботе и любви, дышало порядком, к которому ее приучили и к которому она привыкла. Красивая, аккуратно заправленная кровать, чистые голубые шторы, школьный глобус на столе, удобное кресло и романтическая картинка в рамке на стене – белопарусная яхта на лазурной морской волне. Конечно, в отцовский юбилей она первая с радостью обнимет и поздравит его с благодарностью за всю ту заботу, которой он окружил ее.

Почему-то от этих мыслей Владу сделалось кисло, и в душе ворохнулась зависть, точно Марина была виновата в том, что он не мог вернуться в прошлое и заново прожить испорченное детство.

– Поехали! – раздраженно и жестко произнес он.

В «жигуленке», который они перехватили у дома, завистливые мысли у Влада постепенно улеглись, а верней, улетучились. Он посвятил Марину в свои планы – отметить помолвку в ресторане. И Марина благодарно прижалась к нему.

Увеселительное заведение, к которому они подкатили, пользовалось определенной известностью. В зале царил полумрак. А на освещенной сцене давались представления. В прошлый раз, когда Влад завалился сюда с шумной компанией, такая же темноволосая девушка, как Марина, демонстрировала стриптиз. Сейчас зрелище обещало быть покруче. Оттого и народу в темном зале прибавилось.

Марина с нескрываемым интересом огляделась. Ей понравился и ресторан, и столик, который был достаточно затемнен и укрыт за колоннами и в то же время близок к сцене. Влад заказал напитки и закуску, они даже успели выпить за помолвку, когда на сцену вышли две молодые женщины – блондинка и брюнетка.

– Обе крашенные, – сказала Марина.

На руках у молодых женщин были перчатки, предназначенные для поединка.

– Они что, будут драться? – спросила Марина. – Это ужасно.

– Если им так хочется, – с деланным равнодушием заметил Влад, хотя глаза его заблестели. В нем проснулся интерес.

Кроме купальников, на женщинах ничего не было. Брюнетка оказалась высокой и костлявой. Вид у нее был суровый, мрачный, настоящая гладиаторша. Зато блондиночка своей ладной фигуркой и веселым нравом притягивала как магнитом взгляды мужчин.

– Неужели тебе их не жаль? – спросила Марина. – Какая дикость.

– А ты посмотри вокруг. Люди приготовились. Им интересно, – констатировал Влад. – Вы сами долго боролись за равноправие. Вот и доборолись.

– Ничего мы не боролись. Нам навязывали это равноправие. Чтобы женщины, как слоны, таскали тяжелые шпалы на железных дорогах, стояли у станков до одурения.

– Слоны у станков не стоят, – с иронией заметил Влад.

– Ладно, не придирайся. А на войне сколько женщин было? стыдоба! Раньше на Руси такого не допускали. У женщины было всегда главное предназначение, и оно труднее всех мужских забот. Рожать и растить детей. А с вашим равноправием женщины разучиваются это делать. Раньше-то в семьях редко было меньше трех детей. А сейчас одного бы ребенка дотянуть, и то ладно.

– А ты сколько хочешь? – скосил глаза Влад.

Женщины на сцене между тем разошлись в разные стороны. И какой-то вспотевший тип с усиками ударил в медную тарелку – сигнал к бою.

Блондинка смело бросилась вперед и заколошматила маленькими руками по плоской груди брюнетки, не дотягиваясь до лица. Потом получила сдачи и откатилась. Схватка выровнялась, женщины ходили друг перед дружкой, как рассерженные куры. Блондинка молотила много, но безрезультатно. А после резких чувствительных ударов брюнетки каждый раз отскакивала назад.

Но удары, как заметил Влад, были не самой главной целью. Каждый раз, пытаясь нанести удар, женщины как бы случайно срывали друг с друга клочки одежды, едва прикрывающей тела – бюстгалтеры и трусики. Очевидно, юные гладиаторши стремились не измолотить одна другую, а раздеть ее на глазах у публики. Блондинка первая сорвала лифчик с высокой гладиаторши, обнажив тощие болтающиеся груди. Затем последовала серия удач у брюнетки. Она

не только заставила кубарем катиться свою занозистую противницу, но и сорвала наконец с нее бюстгальтер, обнажив маленькую прелестную грудь.

Красивый ротик блондинки стал еще ярче, и Влад понял, что у нее разбита губа. Затем ловким движением высокая брюнетка зацепила пальцем трусы, и две тонкие голубые полоски разлетелись в разные стороны. Некоторое время блондинка сражалась совершенно обнаженная. И у мужчин, сидевших в зале, затуманились глаза и свело скулы. Наконец ловким движением высокая гладиаторша опрокинула свою соперницу, и блондинка, раскинув ноги, перекувырнулась через голову.

У Влада екнуло сердце. Он подумал, что молодая женщина свалилась в беспамятстве, но скоро понял, что это вовсе не нокаут, а ловко отработанный трюк, вызвавший у наблюдающей публики сильное потрясение. Обнаженная блондинка как ни в чем не бывало быстро поднялась. И хотя победительницей объявили высокую чернавку, беленькая пухляшка вновь сияла, не сомневаясь в ошеломляющем успехе своего выступления.

У Влада пересохло горло. В таком же состоянии находилось большинство посетителей. Впрочем, за соседним столиком собрались бритоголовые крутые парни, которым это зрелище, по всей видимости, было не в новинку. А их плечистый предводитель, которому на вид было лет сорок, вовсе не смотрел на сцену, а все глаза проглядел, изучая вольно откинувшуюся в кресле Марину.

На сцене стали выступать полуобнаженные стриптизерши. Но после сражения юных гладиаторш это зрелище показалось пресыщенной публике пресноватым, малоубедительным. Гости за столиками вернулись к вину и закускам. И тут наконец Влад заметил жадный взгляд мужчины, устремленный на Марину. Он был по меньшей мере вдвое старше двадцатилетнего Влада. Во время стриптиза Влад достаточно принял на грудь, чтобы чувствовать себя независимо, и взглядом дал понять соседу, чтобы тот отвалил.

– Оставь и не связывайся! – произнесла, не поворачивая головы, Марина.

Назойливого соседа она заметила давно и не относилась к этому так легкомысленно, как Влад.

– Слушай, я ему врежу, если он не отстанет, – процедил сквозь зубы Влад, приняв перед этим полную рюмку «Завалинки».

– Я сказала, не связывайся. Их же много. Разве не видишь? – твердо повторила Марина, и Влад на некоторое время притих.

Он бы держался еще осторожнее, если бы знал, что крепкий мужик, которого он презрительно назвал про себя стариком, на самом деле известный уголовный авторитет по кличке Борец. И власть его простирается так далеко, что Влад и представить себе не может.

Девушка с короткой стрижкой, сидевшая напротив, словно магнитом притягивала Борца, а он не привык противиться своим желаниям. Окружавшие его крутые парни тоже почуяли добычу и напряглись.

– Хлюста убрать! – последовала короткая команда.

Когда стриптиз закончился и оркестр заиграл медленное танго, несколько пар вышли в круг. Борец поднялся со своего места, приблизился к Марине и протянул руку, приглашая на танец.

– Занята! Не видишь? – развязно крикнул Влад, отстраняя его руку.

Сильный удар сзади оглушил его. Марина не успела крикнуть. Двое бритоголовых поволокли Влада к выходу. Марина бросилась следом, крикнула: «Помогите!» Но из-за столиков не поднялся ни один человек. Какая-то девушка лихорадочно нажимала кнопки мобильного, чтобы вызвать милицию. Приученный к подобным вещам оркестр заиграл медленный вальс.

Влада продолжали бить на лестнице. Он уже не держался на ногах, а катался маленьким серым комочком от одного бритоголового к ногам другого. Марина попыталась подбежать к нему, но ее не пустили. На крики никто не отзывался. Жесткая ладонь запрокинула ей голову

и перекрыла дыхание. Она забилась в истерике. Ее втащили в узкую полутемную комнату с широкой тахтой и маленьким ночником, бросили на жесткий ковер, устлавший тахту. Она почувствовала цепкие пальцы на плечах, на груди, на раздвигаемых ногах.

«Как это возможно?! Здесь?! Когда столько людей рядом?!» – мелькали обрывки нелепых мыслей. Кому-то она все-таки заехала коленкой. Услышала ругань. Затем последовал сильный удар, и она не смогла больше сопротивляться.

– Борец, начинай! – послышался хриплый голос.

– Не могу, видишь? Это вы готовы трахать все, что шевелится. А мне нужен настрой. Давай первым...

Тяжелое тело навалилось на нее. Марина вскрикнула. Стиснув зубы, закрыла глаза, призывая беспамятство...

– Вот! А теперь я!..

Отвалившись от Марины, Борец налил себе в стакан коньяку.

– Борец, я тоже хочу! – послышался новый голос.

– Валяй, – равнодушно разрешил тот.

– Ну девка! – восхитился первый голос. – Троих приняла – и хоть бы что. Может, по новой?

– Ишь ты! – прогудел Борец. – Давай ее в машину! Одна нога здесь, другая там.

Марина чувствовала, что встать нету сил. Между ног горело так, будто резали бритвой.

– Домой ее отвезите, – прогудел Борец. – И адрес узнайте. Хороша кобылка. Еще пригодится.

На свежем воздухе ее зашатало. Она беспомощно оглянулась, ища Влада.

– Увезли! Увезли его! – заботливо зашептал первый голос. – На «скорой». Но если пикнешь, тебе тоже не жить. Поняла?

Перед большим серым домом машина резко затормозила.

– Какая квартира? Говори, живо!

Марина назвала.

– Папаша где работает?

– Генерал милиции.

Последовала пауза.

– Ни хрена себе, – послышался голос первого. – Чего же раньше не сказала?

– Когда?

Сгорая от стыда, Марина прошла мимо дежурного, посмотревшего на нее с недоумением. Поднялась к себе на девятый этаж.

Через два часа к ресторану примчалась группа ОМОНа на двух машинах. Следом подъехала «Волга», из которой вышел потрясенный генерал Викулов.

Ресторан оцепили. Все подсобные помещения перевернули вверх дном. Но Борец со своими подельниками исчез. Директор ресторана и оркестранты, на глазах у которых все и произошло, твердили одно и то же:

– Не знаем... Не видели... Играем... Нас не касается. А что там, в зале...

– Когда началась драка?

– В половине восьмого.

– Почему так поздно вызвали милицию?

– Да милиция уже была. Какая-то баба по мобильнику позвонила.

– Она по мобильнику, а у вас под рукой десять телефонов, и вы не могли?

– Растерялись мои люди, – твердил директор.

– Чья была милиция?

– Я так разумею, что местное отделение. Приехали, осмотрели и ушли. Да тут уже никого и не было. Избитого парня бритоголовые уложили в целлофановый мешок – это чтобы, значит, салон не попортил – и в километре отсюда выбросили. «Скорая» подобрала.

– Вы откуда знаете, что в километре?

– Сказали...

– Ничего. Я знаю человека, который все раскопает и достанет главного мерзавца из-под земли.

Когда менты убрались, директор ресторана по мобильнику проинформировал Борца.

– Приезжали тут. С милицейским генералом во главе. Вы его дочку затрахали.

– Кто ж знал? – прогудел Борец.

– Сдалась тебе эта девка! – с досадой воскликнул директор, мысленно подсчитывая убытки. – Сколько баб не то что побегут, а приползут! И еще оближут всего. Только позови! А этот папаша тебя теперь достанет.

– Или я его, – послышалось в ответ.

Директор ресторана мгновенно умолк.

– Ну что молчишь?

– А то, что генерал грозился кого-то натравить на тебя. Говорит, этого мерзавца...

– Ну ты брось... Эти слова к себе примеряй. Фамилию называл?

– Да... Турецкого какого-то.

– Это тебе не «какого-то»! Это тип серьезный. Ну да ладно... Придется предупредить.

– Кого?

– Не твоего ума дело.

В трубке послышался отбой.

Глава 2

Прямой телеэфир

На телевидении всегда царит праздник. И этого ощущения не могут поколебать ни озабоченные лица сотрудников, ни всеобщая суматоха. Всякий раз, приезжая в Останкино, Борис Лукьянов испытывал праздничные ощущения, даже когда предстояла серьезная работа, которая требовала большой предварительной подготовки, нервов, сосредоточенности. Опытный тассовский журналист с двадцатилетним стажем, он прекрасно понимал, что и здесь, на телевидении, существует нервотрепка, нагоняи от начальства, ссоры, склоки, зависть, подсиживание или, лучше сказать, подсматривание, словом, как говорится, в каждом доме по кому. Но в ТАССе конфликты касались вполне определенных людей, известных ему, дружественных или, напротив, антипатичных, специфических ситуаций, о которых ему было доподлинно известно. Поэтому там за непрерывными заботами не чувствовалось праздника, а была вполне нормальная потогонная работа. Сиюминутное удовлетворение от прошедшей в печать заметки уравновешивало многочасовые, а иногда и многодневные хлопоты и писанину, которые забирали всю энергию и тут же забывались и переставали тяготить. Прожорливый телеграфный молох пожирал всю поступающую информацию, невзирая на количество, тут же выбрасывал в газеты телетайпные полосы и вновь требовал еще и еще. За этим стояли новые задания, знакомые люди со своими недостатками и прочей чепухой, страхи, обиды, удачи, везение.

На телевидении такой конкретики не было. Люди мелькали вокруг нарядные и, как Лукьянову казалось, улыбочивые. Потом эта улыбочивость выходила в эфир, приучая сидящего перед ящиком обывателя дорожить своим местом, здоровьем, спокойствием и отучая его думать, мечтать, к чему-то стремиться. Словом, как везде, во всем мире.

И однако, при всем понимании, являясь на телевидение, Лукьянов всякий раз бывал околдован этой фабрикой грез. Едва он ступал в вестибюль, ему начинало казаться, что должно произойти нечто значительное. И спешащие навстречу красивые женщины не пройдут просто так мимо, чтобы исчезнуть навсегда, но обязательно сыграют в его жизни какую-то важную, таинственную роль.

Скинув в раздевалке плащ и ощутив привычный радостный порыв, Лукьянов тут же вспомнил о задании, которое его привело сюда. Надо было сосредоточиться на предстоящем словесном поединке. Об этом вскоре напомнил и появившийся в вестибюле генерал милиции, будущий оппонент, с которым Лукьянову предстояло сразиться. Оба они должны были участвовать в известной передаче Савика Шустера «Свобода слова». Речь шла о борьбе с преступностью и отмене моратория на смертную казнь. На этот раз Лукьянову предстояло быть не безымянным корреспондентом ИТАР-ТАСС, а вполне конкретным человеком, выражающим свое личное мнение и мнение широкого круга людей.

Савик Шустер должен был представить его как известного журналиста. Несмотря на двадцатилетний стаж, Лукьянов серьезно волновался, потому что выступать от себя и высказывать публично собственное мнение он все еще не привык.

В его коричневом кейсе лежали важные бумаги. Он приготовился затронуть острейшие проблемы борьбы с преступностью и несколько не сомневался, что его сегодняшний оппонент, милицкий генерал, постарается ему возразить и сгладить все острые углы.

Важно было не проиграть с первых минут и не показаться смешным и наивным. Сохранить собственное лицо и достоинство. А что он знал в действительности об огромной империи, именуемой Министерством внутренних дел? Зато генерал, по всей видимости, обладал необходимыми знаниями и поэтому в споре был опасен. К тому же передача шла в прямой эфир. И генерал, конечно, к этому приготовился. Он не простой служака, не солдафон, как

уже сообщили Лукьянову, а директор Научно-исследовательского института криминологии. Значит, человек с научным складом ума, приученный вести долгие дискуссии на любую тему, затрагивающую честь милицейского мундира и репутацию самого мощного силового ведомства.

В себе Лукьянов склонности к спорам совсем не находил. И считал это недостатком. В пылу полемики, вместо того чтобы, не считаясь ни с чем, высказывать свою точку зрения и громить все кругом, он старался прислушаться к мнению собеседника и, главное, понять его. А это для полемики убийственно. И ничего, кроме поражений в споре, эта привычка ему не давала.

В набросках для выступления Лукьянов приводил вопиющие случаи дикого разгула преступности: убийства, пытки, бандитские разборки, похищение детей, рост наркобизнеса. В одной только Москве, было доподлинно известно, в минувшем году похищено с целью выкупа три тысячи малолетних детей. Какими их возвращают, если возвращают вообще, можно только догадываться. Принимая все это во внимание, он приготовился здорово покритиковать российскую милицию. Предъявить ей претензии в слабой раскрываемости преступлений.

Лукьянов не сомневался, что эти факты известны генералу и он найдет на них опровергающие, смягчающие и иные аргументы. В желтом портфеле генерала, который он держал твердой рукой, словно оружие, наверняка приготовлены соответствующие докладные, графики, цифры судебной статистики, повествующие об успехах милиции в борьбе с бандитизмом, экстремизмом и организованной преступностью и несомненных победах на этом фронте. Эти цифры и факты наверняка согласованы с могущественным министром, и, очевидно, одно это, судя по внешнему виду генерала, придает ему неколебимую уверенность в себе.

Лукьянов еще раз оглядел будущего оппонента: массивная фигура, загорелое крепкое лицо с бульдожьими квадратными скулами, твердый взгляд. Лукьянов не заметил бледности, таившейся под загаром, синевы под глазами. А взгляд, показавшийся ему твердым, был на самом деле устремлен в глубь себя.

Несчастье дочери, издевательство, которому она подверглась в ресторане, потрясли Василия Георгиевича Викулова. И он готовился произнести совсем другую речь. Отбросив согласованные с министром тексты, он решил напрямую выступить перед страной и объяснить, как все обстоит на самом деле.

Савик Шустер усадил гостей в кресла, призвал собравшихся в зале к вниманию и открыл передачу. Первым, как и было по сценарию, получил слово Лукьянов. Он произнес четким голосом несколько заготовленных фраз о росте преступности, недостаточном милицейском противостоянии и призвал мобилизовать общественные силы на борьбу с убийствами, бандитизмом, разбоями, кражами, хулиганством, наркомафией, беспризорностью, которая рождает на самом деле десятки тысяч новых беспощадных убийц.

В ответ на эти слова аудитория недовольно зашумела. Но Лукьянов уже овладел собой и не почувствовал паники перед напором толпы.

– Все новое – это хорошо забытое старое, – спокойным голосом произнес он. – На первый взгляд нам кажется, что только у нас возникла такая ситуация. А вспомните бразильский вариант. Милые крохотные дети, оставшиеся без родителей, вырастали озлобленными, жестокими, и в них уже нельзя было разглядеть прежних милых черт далекого детства. Подрастая, они вливались в ряды банд и в расправе с другими людьми не знали жалости, это выросло в страшную общенациональную проблему. В Бразилии были созданы так называемые «эскадроны смерти», которые, во избежание грядущих ужасов, как диких зверей отстреливали беспризорников, в том числе и малолетних. В полной мере объять умом эту общенациональную бразильскую катастрофу невозможно. Но и у нас скоро грянет такая же катастрофа, если не принять меры. А наши общественность и правоохранительные органы почему-то стараются эту опасность не замечать. Давайте задумаемся над таким обстоятельством: из трех миллионов беспризорников

примерно одна треть сбежала из дома при живых родителях. Дети бегут от пьянства и жестокости в семьях и встречаются за пределами родного дома с еще большей жестокостью. Куда же им деваться? К сожалению, логика жизни такова, что несчастные дети, вызывающие сегодня жалость и сочувствие, завтра станут безжалостными грабителями, насильниками и убийцами. И я обращаюсь прежде всего к общественности: с этой проблемой шутить нельзя. Здесь любой перекос в демографии чреват большими осложнениями. Этого не надо забывать.

Шум в зрительном зале утих, и Лукьянов заключил увереннее:

– Указанный негативный процесс давно начался и ныне развивается полным ходом.

Только теперь Лукьянов перевел дыхание. Нельзя сказать, чтобы он сорвал аплодисменты, но зрители молчали сочувственно. Немного успокоившись, Лукьянов внимательнее разглядел трибуны и убедился, что первое впечатление было верным. Публика собралась солидная, тут были главные редакторы некоторых центральных газет, запомнившиеся лица шумливых деятелей периода первого наступления демократии, которые сейчас пребывали в неизвестности, не занимали высоких постов, но устроены были наверняка удобно и прибыльно.

Среди видных юристов Лукьянов заметил даже седоватого заместителя министра юстиции, у которого когда-то брал интервью. Мелькали чиновники, в недалеком прошлом занимавшие определенное место в президентском окружении, но потом исчезнувшие и потерявшие реальную власть. Теперь они подвизались на телевидении, вольно рассуждали о насущных проблемах, выстраивая их по-своему, что позволяло им сохранять некоторое влияние, а вернее, поддерживать влияние других, стоящих над ними и указующих чинов.

Все ждали выступления милицейского генерала. Хотя суть его речи заранее была ясна многим: наведение глянца на рыхлую, рвущуюся материю бытия. Одни готовились возразить и этим запомниться телезрителям, другие с равным успехом хотели защищать официальную точку зрения, и Савик Шустер знал, кому давать слово. Так что представление двигалось по строго выверенному сценарию.

Одиноко и неуверенно чувствовал себя генерал. Всего лишь три дня отделяли его от той пропасти, за которой началась новая, жуткая жизнь, связанная с несчастьем дочери, бессонными ночами, чувством неизгладимой вины.

Надругательство над Мариной потрясло его.

До сорока лет Василий Георгиевич Викулов мог своей жизнью вполне гордиться.

После окончания юрфака работал опером уголовного розыска. «Отметился» и в Афгане тяжелым ранением. После госпиталя женился на Любе, вернулся в систему МВД, но уже в новом качестве. Началась его научная карьера – аспирантура, диссертации – кандидатская и докторская. И все это не умозрительно, а со знанием той уголовной и социальной криминологической конкретики, которой не хватало многим научным умам. Год назад его назначили на должность начальника в милицейский научно-исследовательский институт. Совсем недавно ему стало известно, насколько напряженной была борьба между кандидатами на этот пост.

Словом, немало приходилось ударов выдерживать. На то и жизнь. Но трагедия с дочерью подкосила его. И главное – никаких концов, ни одной зацепки, хотя ведь все знают! И ресторатор, и обслуга. И местные оперы! Но все схвачено, все повязано. Никаких принципов, только деньги и страх движут людьми.

В недавней беседе с министром внутренних дел он обговорил в общих чертах тезисы своего выступления. В детали министр не вдавался. Ясной была главная задача – показать явные сдвиги и победы в борьбе с организованной преступностью, успокоить общество. Покончено с рязанской мафией, обезврежены люберецкая, солнцевская группировки. Очищен от преступников район Марьиной Рощи. Туда, в эту группировку, удалось внедрить своих людей – агентов. Работали лихие ребята, настоящие разведчики. До них контуры преступных организаций

расплывались, центры перемещались. И в том, что удалось повязать главарей, большая заслуга этих бойцов невидимого фронта.

Этих фактов достаточно, чтобы успокоить народ. И Викулов назвал их в своем выступлении. Заявил, что это правда. Вернее, часть правды. Видимая ее сторона. Другая, невидимая, сказал он, заключается в том, что никакими усилиями не удастся остановить расползание наркобизнеса. Как проницаема чеченская граница, через которую идет снабжение боевиков, так же, как через сито, переходят границу между Афганом и таджиками наркокурьеры. Оттуда поток героина наводняет среднеазиатские республики, ныне ставшие государствами, а главное – Россию. Первое слабое звено – солдаты и офицеры на границе. Они выступают посредниками и богатеют. На каком уровне, чья железная рука сможет порвать эту цепочку? Когда выражение «граница на замке» обретет прежнюю силу? В тени наркобизнеса растут, как поганые грибы, скопища новых банд. Где они? Куда засылать разведчиков?

И как это может быть, чтобы граница стала прозрачной, проникающей? Зеленый доллар проникает сквозь любые заслоны. Солдат на афганской границе может получить пятьсот баксов только за то, что закроет один глаз, когда наркодельцы переправляют на север очередную партию героина. Пятьсот – за килограмм. Наркодельцы не мелочатся. Ведь на севере в России этот килограмм будет стоить уже восемьдесят тысяч долларов.

Среднестатистическому наркоману требуется в сутки героина на две тысячи рублей. Значит, в месяц – шестьдесят тысяч рублей. Это не считая еды и одежды. Много у нас людей с такими заработками? А в одной Москве, по данным ГУВД, наркоманов насчитывается шестьсот тысяч. В одном месте за доллары без помех пропускают героин. В другом за ту же цену – оружие. Государство с такой проницаемой границей немногого стоит. Вот откуда берется питательная среда для создания новых банд и укрепления старых.

Раньше трупы людей, расстрелянных в упор среди бела дня, приводили в волнение все общество. Сейчас этих трупов тысячи. К ним привыкли. Заказные убийства уже никого не волнуют. Банды растут как на дрожжах. И сломать эту систему могут только профессионалы. Но беда в том, что в государстве давно происходит сращивание коррумпированной части правящей верхушки с криминалом. Какова эта часть, можно только догадываться.

– Есть основания полагать, что в Москве существует организованная преступная группа, которая именуется «банковские». Никаких фамилий я сейчас не буду называть, – сказал Викулов. – Но здесь, – он похлопал по желтому портфелю, – имеются материалы, которые освещают эту проблему с достаточной полнотой. А также указания на тех, кто этих «банковских» держит под своим крылом. Вы думаете, общественность с ними справится своими силами? Нет! Но есть профессионалы высшей пробы, для которых мужество, честь, достоинство, судьбы людские, в конце концов, не пустые слова. Их мало, но они есть. Могу назвать поименно. И на их примере надо воспитывать молодежь, которая приходит в милицию, чтобы знали: не все продается и покупается. Без этого воспитания мы пропадем. Уже сейчас молодежь в своем подавляющем большинстве ничего, кроме силы и денег, не признает. Как говорят философы, менталитет народа ныне таков, что гитлеровские полчища за один месяц прошли бы сейчас от Балтики до Тихого океана.

«За эту фразу со мной, конечно, разделаются, – подумал Викулов. – Хорошо хоть на философов сослался».

– Надо поправлять менталитет, называть имена сегодняшних героев и гордиться ими. Примеры мертвых тоже воодушевляют, но по-другому. В недавнюю годовщину космонавтики, как всегда, вспоминали Королева. Конструктор космических кораблей, слава и гордость отечественной науки. Сейчас так говорят. А что ему, мертвому, эта слава? Когда был живой, он тратил нервы на изобретения, технологии, выбивание средств. А когда красавица ракета поднималась в небо, аплодисменты доставались другим. Больше всех Хрущеву, который в космо-

навтике разбирался еще меньше, чем в сельском хозяйстве. Слава мертвого героя учит живущих рвать что попало, лишь бы нахапать и уцелеть. Посмертная слава мало кому нужна.

Викулов перевел дыхание.

– Перехожу к организованной преступности и средствам борьбы с нею. Повторяю: вот говорят, что большую роль в борьбе с организованной преступностью призвана сыграть общественность. Что мой оппонент подразумевает под общественностью? Апелляция к общественности – это розовый мыльный пузырь, который красиво переливается на солнце. Мы с наивным упрямством надеемся, что следующий мыльный пузырь продержится дольше и не лопнет. Что такое общественность? Как она может повлиять на вооруженные до зубов бандформирования? Что, дядя Ваня или тетя Мила будут звонить главарям и говорить: не безобразничайте? Даже если сотни дядей и тетей начнут названивать, толку будет – нуль!

Отпив глоток из стакана, Викулов огляделся, не различая, впрочем, отдельных лиц. Брови его набрякли, взгляд сделался тяжелым, непримиримым.

– Борьбу с преступностью, – заявил он, – могут успешно вести только профессионалы, не завязшие в коррупции. Но их мало. В том-то и острота момента.

– А вообще-то они есть? – раздался голос с галерки.

Генерал утвердительно кивнул:

– Да, я могу их назвать. Это старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Турецкий Александр Борисович. Это генерал Грязнов из МУРа. Кто из широкой публики знает эти имена, пользующиеся авторитетом в органах правопорядка? А их должны знать. И других, достойных, тоже. Тогда молодежь, идущая охранять закон, сможет на них ориентироваться. А сейчас ориентир один – «капуста», как называют зеленый доллар, особенно если он в пачке.

Рассказывая о разгуле преступности в России, проникновении в государственный аппарат и подразделения охраны общественного порядка криминальных структур, Викулов не упомянул ни о каких смягчающих обстоятельствах, на которых настаивал министр. Картина получилась мрачная, – впрочем, такая, как ее себе и представляли профессионалы. Но для прямого телеэфира это было слишком.

«Это за тебя, Мариночка», – мстительно думал генерал, покидая растерянную аудиторию. Он представил разгневанное лицо министра, с иронией подумал, что на следующем конкурсе не пройдет на директорскую должность в милицеском НИИ.

Дискуссии не получилось. Отдельные выкрики и реплики погоды не сделали. Большинство присутствующих было подавлено.

Лукьянов не проиграл дискуссию, но и не оказался победителем. Все говорили про Викулова.

– Да он подписал себе смертный приговор, – бросил ему вдогонку кто-то.

Генерал даже не оглянулся.

Глава 3

Заговор

– Лялечка! Два кофе!

Заместитель начальника Главного управления внутренних дел города Москвы Игнатов, высокий полнеющий жизнелюб, неторопливо закурил и откинулся в кресле. Затягивался с наслаждением, выпускал дым неторопливо. Чувствовалось, что он все делает с наслаждением. Просыпается, завтракает, приходит на работу. С особым удовольствием расписывается на разных бумагах. Его крупный набрякший нос лоснился, розоватые склеротические щеки создавали впечатление избыточного запаса здоровья, высокий лоб с залысинами дорисовывал образ человека чрезвычайно ухоженного, обеспеченного, довольного собой и готового это довольство распространить на окружающих.

Его собеседник, Геннадий Павлович Борцов по кличке Борец, приземистый, широкоплечий, с темным плотным ежиком на макушке, горбоносый, отодвинул от себя предложенную пачку сигарет. Ноздри его хищно расширились.

– Не курю!

На его грубом, точно вырубленном лице, напротив, не было и тени довольства. Но он тут не играл первую скрипку и вынужден был подчиняться правилам хозяина.

– А я затягивался еще мальчонкой, на рыбалке, когда таскал уклеек на узенькой Сетуньке. Помню, река дымится ранним утренним паром. Солнце еще холодное, и на росистой траве, будто снегом покрытой, остается проторенным только один – мой – след. И первая затяжка от выпрошенной сигареты – что может быть прекраснее! С тех пор никогда не бросал. Утром, не раскрывая глаз, затягиваюсь сигаретой. Жена знает мою привычку, уже не ворчит. Ну, так ты слышал, что Викулов сказал про «банковских»? – Игнатов задал вдруг вопрос прямо в лоб.

– Слышал... – неохотно отозвался горбоносый. – Врет, поди...

Игнатов заерзал в кресле.

– Министр наш в гневе. На следующих выборах по конкурсу Викулов свой стул потеряет, это точно. Он вообще сошел с рельсов и закосил по шпалам. Сам какое-то следствие вздумал вести. Говорят, из-за дочки. Она вроде в больнице. Какие-то идиоты изнасиловали. Навалились, говорят, несколько жеребцов и покалечили. Представляешь? Викулов частным порядком дружков своих хочет подключить. А дружки у него не слабые. Генерал из МУРа Грязнов и знаменитый «важняк» Турецкий. Слышал? То-то!

– А помешать никак нельзя?

Игнатов взглянул с подозрением:

– Ты чего? Имеешь отношение?

– Да не хотелось бы, чтобы менты рылись в той забегаловке. Мало ли на что наткнутся!

На лице горбоносого не дрогнул ни один мускул. Собираясь на встречу, он меньше всего хотел, чтобы речь зашла об этой генеральской дочке. Игнатов никогда не вызывал по пустякам. Значит, предстояло большое дело. Но из-за девки он вполне мог отстранить группу Борца и обратиться к костоломам Гончара. Игнатов был всему голова. И горбоносый робел перед ним. Заместитель начальника Главного управления внутренних дел Москвы давал наводку, сам разрабатывал стратегию и прикрывал в критических ситуациях. Он же забирал и львиную долю добычи. Было за что. Мозг у него работал четко, несмотря на то что свои двести граммов в рабочий полдень он выпивал регулярно. Горбоносый не мог себе позволить такой роскоши. Расширенное спортивное сердце нередко давало сбои даже от малой дозы спиртного. Вот и вся награда за буйную молодость и бесчисленные победы: немного сноровки, позолоченные побрякушки да кличка Борец, которая с наманганской отсидки к нему прикипела.

Нет, время от времени он оттягивался от души, как в прошлый раз, с генеральской дочкой. Тогда выпито было море. Он давно заметил, что большие дозы для него лучше, чем малые, но часто нельзя. А тогда оттянулся редкостно. Конечно, плохо, что эта мормышка оказалась дочкой генерала. Но его команде случалось расправляться не только с генералами, но и с типами покруче.

Опознать Борца могут только двое. Этот хлыщ, которого забрала «скорая», и девка. Не повезло ей, что отец генерал. Так бы жила себе.

То, что Викулов высветил публично «банковских», было неприятно. Эта команда была создана самим Борцом. Он давно собирался затеять свой бизнес. Но связей, какие были у Игнатова, не имел. Обломись какой-нибудь солидный куш – вот тогда можно и заняться делом самостоятельно. А куда приходилось терпеть.

Игнатов без причины к себе в кабинет не вызывал. Поэтому Борец теперь полагал, что в конечном счете речь пойдет именно о Викулове и его «досье», которые у того якобы лежали в желтом портфеле. Значит, придется решать вопрос кардинально. И люди, которым можно было это поручить, у Борца были.

Стальные парни, прошедшие Афган и Чечню, безработные, брошенные государством, озлобленные, утратившие жалость, они шли на любое дело хладнокровно, убивали безжалостно, а главное, выполняли любую команду Борца. Правда, у многих их же собственная безжалостность порождала панический ужас друг перед другом: человеческую природу ведь ничто не переделает. И там, где нарастает плюс, с другой стороны провалом зияет минус. Друг перед другом они быстро ломались. Зато скопом работали четко, выбивая долги из предпринимателей.

Однажды, правда, случился прокол, и ментура зацепила Борца. Тогда он и предстал перед Игнатовым. Но команде горбоносого неожиданно не тюрьма обломилась, а открылись новые перспективы. И счет пошел не на сотни баксов, а на тысячи и десятки тысяч.

Сейчас лишиться налаженного дела из-за сопливой девки было крайне обидно. Горбоносый посуровел, замкнулся, прикидывая жесткую схему расправы. Это дело он должен был закрыть сам. Но тревожная мысль стала опять сверлить в мозгу. Ведь была там еще бабенка, которая по мобильнику вызвала ментов. А вот как ее найти? Филя виноват. Зевнул.

Этого Филю бабы с трудом воспринимают: больно велик конец у жеребца. Вот пусть-ка он и займется этой проблемой. А попадется, дурак, значит, сам виноват. Или еще подключить к нему парней? А хлыща и генеральскую дочку надо убирать одновременно. И быстро.

– Пять миллионов евро, – произнес Игнатов со скучающим видом после некоторого молчания.

Борец повел носом, как хищный зверь, почуявший добычу. Но глаза его сохранили бесстрастное выражение. В отношениях с Игнатовым главное – покорность и спокойствие. Никаких явных страстей. Пусть делит как хочет, пусть назначает себе любую премию, важно, чтобы он не предпочел другую команду для выполнения своих проектов, ибо чья команда, у того и навар.

– Из Франкфурта-на-Майне перевозят пять миллионов евро в нашу Среднюю Азию. Бывшую нашу, – поправился Игнатов. – Охрана поручена мне.

И снова горбоносый мужественно выдержал паузу. Но некоторый интерес следовало проявить.

– Когда? – коротко полюбопытствовал он.

Это было в пределах нормы.

Игнатов шумно высморкался и вытер платком покрасневший нос.

– Будет специальное сообщение, – отозвался он. – В свое время.

Горбоносый кивнул, всем своим видом показывая готовность к работе.

– Смотри, чтобы все было чисто, – продолжил Игнатов. – Своим шаромыжникам не давай расслабляться. Команда может последовать в любой момент. У тебя на хвосте никто не сидит? Малейший сбой может все испортить!

Ответа не требовалось, и Борец промолчал.

– Гончара будем ставить в известность? Как думаешь? – продолжал испытывать Игнатов. Горбоносый расплылся в улыбке и развел руками:

– Воля ваша...

Игнатов кивнул, хотя осталось неясным, что он сам считал по этому поводу. Во всяком случае, он любил неограниченную власть, и горбоносый старался потрогать ему в этом. А чего стесняться? Знай, сверчок, свой шесток. В кабинете такого высокого начальства он готов был расстелиться, превратиться в пыль, чтобы потом у себя вот так же твердой рукой наводить порядок и требовать беспрекословного повиновения.

Теперь, когда главная цель вызова прояснилась, Борца залихорадило. Он поначалу боялся все-таки, что звонок Игнатова как-то связан с генеральской дочкой. Но оказалось, что известен лишь сам факт, не больше. Значит, теперь надо действовать самому и быстро. С девкой ясно. А того балбеса следует поручить Ванечке. Этот сделает чисто, без суеты и шума. С женщинами он еще колеблется, а мужиков убирает без жалости. У каждого своя специализация.

План действий уже созрел в голове у Борца, и он лишь старался убедиться в том, что визит закончен, и выбирал минуту, чтобы откланяться с достоинством.

– Осени никак не дождусь, – размечтался вдруг Игнатов. – Хочу на охоту поехать. На пару недель. Кабана завалить. Целебная, скажу тебе, штука.

«Раз Игнатов заговорил об охоте, значит, он принял на грудь больше двухсот, – отметил про себя горбоносый. – Только бы не пошел вразнос».

Вошла сияющая, разодетая Лялечка, пятая секретарша, которую Игнатов опробовал в своей приемной. Все искал чего-то необычного. Толстенных, тоненьких, высоченных, малюток. Лялечка была из последних.

– Ваш кофе, Семен Николаевич! – произнесла она, широко улыбаясь.

Игнатов поморщился.

– Не кофе мне хочется. Нам бы с Геннадием Павловичем что-нибудь посолиднее. Колбаску, икорку, балычок.

Лялечка счастливо улыбнулась, будто каждое поручение начальника было для нее самым большим удовольствием.

– Сию минуту!

Когда она вышла, Игнатов достал из шкафчика коньячную бутылку, где золотистая жидкость плескалась на доньшке, недовольно встряхнул ее и поставил на место. Пошарив в глубине, нащупал другое горлышко, взвесил на ощупь и остался доволен.

– Оп!

С ловкостью фокусника он извлек пузатенький литровый коньяк, открыл его, понюхал и блаженно устроился в кресле.

– Такого ты еще не пил!

Борец изобразил готовность составить компанию, хотя выпивка сегодня не входила в его планы. Он потянулся к своему кейсу, щелкнул замками, достал сияющий медалями «Двин» и поставил на стол рядом с пузатой «хозяйской» бутылкой.

– Нет! Много, много! – запротестовал тот. – Убери.

– Не положено! – улыбнулся Борец. – Пусть останется в запасе.

Кровь уже заиграла в нем.

Игнатов разлил коньяк в небольшие фужеры. Другой посуды он не признавал.

Лялечка в один момент сервировала стол. Она уже не казалась маленького роста, а в самый раз, ладненькая, ловкая. В каждом движении – заманка и обещание. Борец даже потрянул головой, пытаясь скинуть наваждение. С начальскими зазнобами вольностей себе он не позволял.

А Игнатов раскручивался вовсю. Шеф – начальник Главного управления – вместе с министром были на юге, а кому, кроме них, он мог понадобиться? Покуда начальство на югах, Игнатов сам себе голова. И, подчиняясь его настроению, Борец тоже все чаще хватался за фужер.

В сауне, куда они попали на исходе дня, Борец уже с трудом различал девочек. Да от него ничего и не требовалось. Аккуратные девичьи пальчики сами все делали. Приклеенные улыбки казались выражением самой глубокой заботы и доброты.

Глава 4

Странные проводы

В своих несчастьях Влад Пухальский винил Марину и страшился ее звонка.

Она позвонила первой. И застала его в движении, когда он выбежал с работы, чтобы в небольшой перерыв выпить пивка, купить сигарет. Мобильник закурлыкал, и Влад вынужден был остановиться.

Голос Марины пронзил его, словно током. Влад молчал. Марина спросила о самочувствии. Это она, которая находилась в больнице и которую он сам должен спрашивать о здоровье! Давно следовало бы навестить ее, но Влад не мог пересилить страха. Ему казалось, что за ним и Мариной будут следить. Может быть, уже прослушивают разговоры. Чтобы схватить наверняка. Временами чудился пристальный посторонний взгляд, и он в испуге оборачивался.

Иногда страх отпускал, и тогда Влад становился самим собой: самоуверенным, нагловатым, властным.

– Я заеду на днях, – сказал он, закулив последнюю сигарету и выронив пачку. – Навещу! Но сегодня не могу... Простужен. Зачем тебе лишняя инфекция? Правда? Вот выздоровлю и приеду.

Он надеялся, что случившееся отодвинет свадьбу. Но Марина как ни в чем не бывало заговорила об этом.

– А ты про двадцатое число не забыл?

Это был день, назначенный для регистрации.

– Что мы будем делать? – донесся далекий голос.

Это она после того, что с ней случилось, думала о свадьбе! Влад молчал. Возмущение и растерянность в одинаковой степени тиранили его душу.

– Не знаю, надо подождать, – сдавленным голосом проговорил он.

– А чего ждать? – долетело издалика.

Из ее слов он понял, что ей хотелось отпраздновать свадьбу до отцовского юбилея. Ничего не ответив, Влад дивился ее легкомыслию. Потом подумал, что она испытывает его, и согласно кивнул несколько раз, забыв, что она не может этого видеть.

– Молодой человек! Вы что-то уронили.

Он непонимающе глянул перед собой. Приветливая девичья улыбка. Серые глаза. Платье с белыми цветочками.

– А? Да!

Глянув под ноги, он увидел уроненную пустую пачку из-под сигарет.

– Спасибо! Ничего важного.

Девушка как будто не спешила уйти. И Влад вопросительно взглянул на нее. Она нисколько не смутилась.

– Не подскажите, – снова обратилась она к нему, – где тут можно дешево и быстро пообедать?

Влад посмотрел на часы. Было начало шестого. Он отлучился из фирмы на полчаса и должен был дежурить до семи. Но в крайнем случае можно будет попросить старушку Элечку. Ей было двадцать пять, но она не была замужем и даже не имела любовника. Поэтому молодые девчонки из компьютерного центра называли ее старухой. Одевалась она просто и скромно. В ней не было ничего отталкивающего, но не было и какой-то жизненной энергии, точно она, едва родившись, уже устала от жизни. И в глазах у нее застыла такая тоска, что ей можно было временами дать не четвертак, а сороковник.

Влад набрал по мобильному свой рабочий телефон. Поглядел на чистое небо, на шумящую зеленую листву, на девушку с яркими губами и серыми глазами, стоявшую перед ним.

– Алло! Это Элечка? Еще раз тысячу приветствий. Я тут сижу у стоматолога. Колоссальная очередь. Духота! Наверное, обратно в контору не успею. Подмени меня сегодня и объясни начальству. А я сделаю завтра все, что ты захочешь.

– Все, что захочу? – с несвойственной ей игривостью заговорила Элечка. – Ну ладно. Только не отказывайся от своих слов.

– Не откажусь, – пробормотал Влад, когда Элечка повесила трубку. – Надеюсь, это не будет общая постель...

Незнакомая девушка все еще не ушла, и этой удачей следовало воспользоваться. В широкой стеклянной витрине ее ладненькая фигурка отражалась со спины. Рядом с ней он увидел собственную – молодой длинный парень в джинсовых брюках и желтой куртке – чем не жених? И столько изящества, элегантности было в нем, по мнению Влада, что девичий интерес к нему был вовсе не удивителен. Следы недавних побоев еще виднелись на его лице. Но Влад решил, что объяснит это своими подвигами на ринге. Один из приятелей после первенства Москвы по боксу был в гораздо худшем виде.

– Пойдемте, я покажу, где можно перекусить быстро и дешево, – сказал он незнакомой девице. – Кстати, а почему обязательно быстро?

Мелькнул большой серый глаз, прикрытый пушистыми ресницами.

– Потому что сегодня я уезжаю.

– Куда?

– В Иркутск.

– Почему так далеко?

– Я там живу.

– А здесь, в Москве?

– Поступала в институт. Провалила экзамен.

– В какой, если не секрет?

– Ваш вопрос напоминает мне старую карикатуру. Помните? Старушка разбила банку с молоком, а проходящая женщина спрашивает участливо: «Почем брали молоко?»

– Я, между прочим, могу дать совет, – обиделся Влад. – Есть разные институты. Разные сроки сдачи экзаменов.

– Нет, я уеду, – последовал ответ.

– Где же вы там живете, в Иркутске?

– В центре.

– Рядом с озером Байкал?

– Нет, до Байкала надо долго ехать.

– На чем? На телеге?

– Зачем? На машине. Я хоть родилась в Иркутске, а была на Байкале всего три раза. В последний раз искупалась там и заболела. Вода очень холодная.

– Это ваши музыканты Овечкины когда-то угнали самолет?

– Пытались угнать.

– Зачем они это сделали? Ведь, кажется, все у людей было: и почет, и слава, и квартира. Словом, все блага.

Девушка не согласилась:

– «Блага» – это только с нашей точки зрения.

Влад искоса взглянул на склоненную девичью головку с длинной русой косой. Очевидно, девица была из тех, кто обо всем имеет собственное мнение. Даже косою своею вроде бы как хвастается. А мода-то на косы давно прошла. Эйфория, охватившая Влада при встрече с незнакомкой, слегка поухля.

– Интересно, как вы себе это представляете? И сколько вам было лет, когда эти Овечкины погибли?

– Немного. Но мои родители знали их. И я сужу по их рассказам. Это была крепкая многодетная семья, каких сейчас уже нет. Отец, правда, был пьянчужка, зато мать великая трудяга. На шести сотках вместе с детьми она выращивала кучу продуктов и корма для коров, свиней, кур. Мать с сыновьями работали от зари до зари. Потом каким-то образом в их дом вошла музыка. Они создали ансамбль. Музыкальные инструменты покупали на свои собственные деньги. У всех от мала до велика обнаружился талант. Их стали показывать на разных фестивалях, на смотрах. А что такое фестивали? Там денег не платят. Похлопали, прослезились, облобызали, и – привет! Езжайте обратно. Средства для жизни давало по-прежнему только домашнее хозяйство, скотина, те несчастные шесть соток. Ну, конечно, начальство заметило. Шум-то на всю страну. И начали этих Овечкиных, что называется, душить в объятиях. Во-первых, уникальный ансамбль, где играли и старшие и малые, растащили по кускам. У чиновника ум узкий, мыслит он по шаблону: как лучше? Да так – учиться, учиться и учиться. Всех распахали по учебкам. Самых малых из Иркутска в Москву увезли. Мать одна осталась. Ни работы, ни музыки. Ну мать-то не семижилная, одной не справиться. Забрала она детей из учебок этих. Но играть им самостоятельно ради заработка не давали. Не положено было. Противоречило социалистическим принципам. Боялись, если так позволить зарабатывать, все станут богатыми. И некому будет варить сталь, грузить картошку. Это сейчас на любом углу встань с гитарой, поставь шапку у ног и собирай, сколько сможешь. А тогда запрещалось, преследовалось. Музыкантам Овечкиным аплодировали на смотрах и фестивалях в разных городах. Но не позволяли музыкой копейку добыть. Только скотиной и домашним хозяйством держалась семья. Но ведь как-то эту известную семью надо было отметить. А ну, если заявятся иностранцы поглядеть, как живут известные музыканты? А у тех одна бревенчатая клеть. Самим же чиновникам худо и будет. Иностранцев на Руси стали бояться с петровских времен. Если чиновничью благополучию что-то грозит, он наизнанку вывернется, а выход найдет. Вот чиновники и учудили: дали многодетной семье две квартиры. Кто их упрекнет? А что квартиры на конце города – неважно. Чтобы коров подоить да скотину накормить, напоить, надо через весь город в четыре утра ехать, тоже неважно. Кстати, на чем? Переехали Овечкины в новые квартиры, стали приспособливаться. И пришлось им постепенно ликвидировать скотину, хозяйство – единственную свою опору. И пришла нужда. Повезли их как-то в Японию народные таланты показывать. Там – снова успех, аплодисменты. А по возвращении, в родном доме, опять нужда. Они и решились рвануть за рубеж. Остальное известно. Годика три спустя им бы не пришлось никуда уезжать. Но они и подумать не могли, что все переменится и они смогут играть где угодно. Да и кто бы мог предположить?

Шагая рядом с девушкой, Влад едва вслушивался в ее слова. Его успокаивала неторопливая и складная речь. А главное, он все больше проникался сознанием, что ему повезло. Девушка оказалась на редкость интересна, чего он сразу не понял. Прошли несколько минут общения, и он уже не видел, хороша ли фигура, красивы ли глаза. Он чувствовал, что произошло событие, и это событие захлестнуло его.

– Значит, вы патриотка Иркутска? – спросил Влад.

Не отрицая, девушка взглянула на него с некоторым изумлением.

– С чего это вы взяли? То есть конечно. Я там выросла...

– Все одобряете, никого не осуждаете.

– Я не одобряю, а пытаюсь объяснить то, что поняла сама. Как можно одобрить, если была убита девушка-бортпроводница?

– Там, я читал, много народу было покалечено.

– Людей покалечили спецназовцы или, вернее, попросту солдаты, бравшие штурмом самолет. Штурм не удался, но Овечкины взорвали себя. И когда по аварийным трапам стали

выбрасываться люди, солдаты устроили избиение и стрельбу, подозревая в каждом бандита. Ну, в общем, как обычно.

Они подошли к метро, и Влад задумался.

– И что же вас ждет в Иркутске? – повернувшись к девушке, спросил он.

Та улыбнулась:

– Не так уж мало. Мама, младший брат. И поиски работы, конечно.

– А почему бы не поискать работу в Москве? Здесь больше возможностей, – посоветовал Влад. Мысль о том, что девушка уедет через несколько часов, стала вдруг подтачивать спокойствие.

Пшеничная коса перелетела со спины на грудь, и тонкие девичьи пальчики забежали по ней, заплетая и расплетая пряди.

– Нет уж, – произнесла девица с убежденностью. – Надо отдышаться от Москвы. Может быть, на следующий год снова приеду поступать. А может быть, найду в Иркутске свою судьбу.

– Что, уже есть наметки? – с ревнивым чувством спросил Влад.

– А у кого их нет? – неожиданно рассмеялась она.

Влад старался выглядеть проще и раскованнее, а получалось, наоборот, сухо и напряженно. Он даже улыбки не мог выдать, хотя завязавшийся разговор предполагал легкость и непринужденность.

– Знаете что? – неожиданно предложил он. – Поедем вместе на вокзал и поменяем билет, хотя бы на завтра? Идет?

Если бы девушка отказалась, свет бы померк. Но она неожиданно легко согласилась:

– Идет!

Наспех выпив по чашечке кофе в первой же забегаловке, они вдвоем доехали по кольцу до «Комсомольской». Не без проблем, с разговорами и доплатой они все же поменяли билет на следующий день и вышли из душного кассового зала на воздух, который показался чуть менее душным и раскаленным.

Тут они и познакомились. Влад назвал себя, девушка тоже представилась:

– Василина.

– Как? – поразился Влад.

Она смутилась, но ненадолго.

– Можно просто Лина, – сказала она с улыбкой. – Имя придумал батюшка, которого я не имела чести знать. Между прочим, он живет в Москве. Но я поклялась матери, что не встречусь с ним, и слово свое сдержала. А куда мы теперь?

– Ко мне, – просто сказал Влад, и вся площадь замерла в ожидании ее согласия.

Ответом был легкий наклон головы с расплетенной наполовину косой.

И все было так, как должно было быть. Влад привел ее домой, она разделась без какой-либо заминки, может быть, устала от бесконечного сдерживания или, наоборот, московское бытие научило ее всему. Она отдавалась с такой страстью, что Влад в некоторые моменты испытывал легкую озабоченность.

Потом, не одеваясь и изнывая от необычной московской жары, они пили вино, сидя друг против друга за маленьким столиком. И это были, пожалуй, лучшие минуты. Влад не мог не сравнивать свою иркутскую гостью с Мариной. И это сравнение не было в пользу последней. Марина всегда манерничала, на близость соглашалась после долгих уговоров, как будто впервые. И делала вид, что в человеческих отношениях самое главное – это «духовная сфера». Лина ни о чем таком не задумывалась, а просто наслаждалась счастливым моментом и не требовала от Влада никаких заверений и клятв. Но если бы спросила, он нашелся бы что ответить. Иркутская гостя нравилась ему все больше. Он даже подумал было махнуть вместе с ней в Сибирь, подальше от московских разборок. Но когда он сказал об этом, Лина удивилась и ничего не ответила. Он представил, что ей хотелось ровно противоположного – московской

прописки и работы. На первых порах даже квартира не так уж важна. А коли есть, да такая, как у Влада... тогда чего уж желать лучшего?

Обо всем этом и он подумал. Она ничего этого не говорила. Но Влад был убежден в своей правоте. Поэтому по здравом размышлении он решил отправить иркутскую гостью одну, а навестись к ней попозже, оформив отпуск, чтобы не терять хорошо оплачиваемую работу, которую найти в Москве вовсе не так просто, как представляется многим приезжим.

Пока гостя в прозрачной комбинашке расхаживала по квартире, осваивая роль хозяйки, снова позвонила Марина. Худший момент трудно было придумать. Влад, разозленный ее настойчивостью, разговаривал суше и резче обычного. В то время как перед ним под розовой блестящей тканью призывно светилось каждой своей частичкой обнаженное женское тело, ему предлагалось думать о свадьбе, которой он уже не желал. Он понимал, что Марине трудно в больнице, но, если принять во внимание все, что ему довелось пережить из-за нее, их положение несколько уравнивалось.

– Мы же не подумали о свидетелях! – донесся до него слабый голос. – Я хочу, чтобы ты позвонил Зюбиным. Оле и Мише. Третий день не могу с ними связаться. Может быть, что-то с телефоном? Пусть они приедут двадцатого на регистрацию.

– Хорошо, что ты не дозвонилась, – металлическим голосом отчеканил Влад. – Я уже отменил регистрацию. Как можно думать о свадьбе после всего, что случилось?

– Как отменил? Ты один?..

С генеральскими претензиями было покончено. Влад с отчетливостью ощутил это и впервые не испытал никакого сожаления. Визит иркутской гостью уничтожил прежнюю влюбленность до конца. Да и в той прежней влюбленности главенствующую роль играли не женские чары, а расчет и престиж. Чары, однако, у другой женщины оказались сильнее. Она догадывалась о сути разговора и поглядывала изредка на Влада как бы невзначай. И он уже опять стремился к ней и вовсе не думал о страданиях и слезах Марины, отношения с которой сделались для него забытым вчерашним днем.

Спасением был Иркутск. И, провожая Лину, уезжавшую на другой день ночным поездом, он тревожился не шутя. В третий раз записал ее адрес, обещал приехать. Но она, как ему показалось, кивнула с таким безразличным видом, словно вовсе не была в этом заинтересована.

– Поди разбери женскую душу, – бормотал он вслух, подставляя лицо прохладному ночному ветерку и шагая к себе домой. Страхи вернулись, и Влад постоянно оглядывался. – Надо было ехать с ней! – сказал он себе, и совершенная ошибка вдруг представилась ему во всем ее исполинском масштабе.

Глава 5

Цепь загадочных убийств

Солнце нагрело кабинет так, что стало нечем дышать. Старший следователь по особо важным делам Александр Борисович Турецкий, или «важняк», как называли его между собой знакомые, хотел было закурить, но вместо этого открыл окно. И удивился, какое облегчение принесло легкое движение свежего воздуха. Грудь налилась силой, широкие плечи окрепли и потребовали движения. Он несколько раз взмахнул руками, чувствуя, как вместе с силой возвращается бодрость. Хотя разговор с начальником Московского уголовного розыска Вячеславом Ивановичем Грязновым был отнюдь не веселым.

Серия заказных убийств, прокатившихся по Москве, со всей очевидностью показывала, что на криминальном поле столицы появилась некая новая таинственная сила, найти которую пока никому не удалось. Многие полагали, что этой силы не существовало вовсе. По их мнению, шли обычные бандитские разборки. Особенно усердствовали в этом споре некоторые ученые мужи, от коих ждали научно обоснованного анализа. Они игнорировали новые факты разбоев, так было проще делать выводы и прогнозы. Но Турецкий своей обостренной интуицией чувствовал, что следственные органы встретились с неведомым. На этой почве он резко схлестнулся ни больше ни меньше как с начальником НИИ по изучению причин преступности Министерства внутренних дел генерал-лейтенантом Викуловым. Но того поддержал целый сонм его собственных научных сотрудников. Им-то, конечно, удобнее и проще было объяснить рост преступности старыми, привычными категориями. Пожалуй, только верный и надежный друг Славка Грязнов и разделял опасения Александра Борисовича.

Турецкий вдруг обнаружил, что заказные убийства, следовавшие одно за другим, касались определенной категории лиц – крупных банковских деятелей. Киллеры работали чисто, и никаких следов пока обнаружить не удавалось.

– Но ведь что-то должно быть особенным в деятельности тех банков? – спросил Грязнов.

– Проверка показала: ничего необычного.

– А что между ними общее?

– Правильный вопрос. И я тебе скажу, – вскинулся Турецкий. – Крупные кредиты! Я это и Викулову доказывал.

– А чего тебя, Саня, понесло-то к нему? Ты что, не понимаешь, что эти буквоеды...

– Да как-то получилось... По старой дружбе.

– Мы с тобой, Саня, вступили в пору, когда дружеские отношения лопаются словно мыльные пузыри. До сорока еще ощущаешь плечо друга, а потом... как будто распад старых дружеских связей. Не замечал?

– Но ведь не о дружбе речь! – поморщился Турецкий. – Я говорю о профессиональной интуиции. Ну, вот тебе цепь заказных убийств. Определенная категория лиц. Ничего необычного, как я сказал. Так кто же и почему их убирал? И заметь: чисто! Никаких следов.

– Значит, они где-то совсем рядом, – произнес начальник МУРа, и Турецкий даже вздрогнул от неожиданности. – А ты говоришь, что давно знаешь этого Викулова?

– С юрфака. Этот «большой ученый» всегда был занозистым малым. У меня почему-то складывалось ощущение, что я постоянно что-то ему должен. Вот умеет человек создавать вокруг себя такую... ауру. И все ему обязаны уже за то, что являются его современниками.

Грязнов хохотнул, потом сделался серьезен.

– Ты заметил что-нибудь особенное у этих «висяков»?

– Да! Каждый из этих погибших деятелей выходил на крупный кредит!

Турецкий прошелся по кабинету. Отодвинул занавеску, поглядел на улицу.

– Кредитование – основа банковской деятельности, – солидно отметил Грязнов. – Ну и что тут особенного? Обычная практика.

Со стороны казалось, что вид его выражает полнейшее благодушие. Но прищур глаз, наклон головы свидетельствовали о том, что он поймал мысль собеседника и обдумывает ее.

– Да, это так. Если кредит возвращается вовремя и с процентами. Тогда банк процветает, – сказал Турецкий. – А если долг задерживается? И живые банковские деньги с бешеной скоростью оборачиваются на стороне, обогащая необязательных клиентов, кого угодно, кроме банка? Ситуация меняется! Не согласен?

И он устремил ястребиный взор на приятеля.

– Как не согласиться? – усмехнулся Грязнов. – То есть ты имеешь в виду связанные с финансами обычные бандитские разборки?

Вячеслав Иванович откинулся в кресле.

– Ну, обычными я бы их не назвал, – сказал Турецкий уже спокойнее. – Хотя бы в силу масштабов мести. И высокой организованности этих новоявленных «эскадронов смерти». Ты ведь сам так их назвал однажды? Как видишь, я ничего не забываю и просто возвращаю тебе твою же мысль.

– Да, я помню. Хотя всякие аналогии здесь очень условны. Думаю, у нас действует небольшая, но хорошо организованная группа киллеров и руководят ими люди очень высокого ранга. Которых и арестовать-то невозможно без кричащих и прямых улик. А ты можешь назвать имена?

Турецкий прямо взглянул ему в глаза, точно собирался сообщить конкретные фамилии, но потом раздумал.

– Имена будут названы, когда появятся доказательства...

– Нет, все-таки жаль, что ты не слышал выступления своего приятеля по телику. Он, к примеру, достаточно внятно сказал, что у него имеются какие-то свидетельства там и прочее, а «крышует» вроде бы эту группу «банковских» серьезная публика. Чуть ли не из правительства, представляешь? И у него есть доказательства. Но если они имеются, почему бы тебе с ним не встретиться? Посмотрел бы его «секретные материалы». Если таковые действительно есть, а он не блефует по необходимости.

– Да тут-то какая необходимость? – почти возмутился Турецкий.

– Всяко бывает, – пожал плечами Грязнов. – Он, между прочим, и тебя, и меня упомянул в качестве... ну, примера для подражания нашей молодежи. Оно, конечно, лестно, но как бы от начальства по шее за такую рекламу не схлопотать...

– Не видел я и ничего не слышал, Славка. Совсем с этими проклятыми банкирами замotalся. Вот смотри, называю подряд: Кульчицкий, Михельсон, Берулава, а теперь еще и Сотников. Все фигуры одного масштаба. А расправа быстрая и беспощадная. Ни одного следа. Ни единой зацепки... Просто не знаю, что делать. Теряюсь. Буквально в первый раз в жизни.

– Ну так поговори с этим Викуловым. Ведь его уверенность все же на чем-то должна основываться?

– Честно?

– А что, есть повод соврать? – улыбнулся Грязнов.

– Нет, я о другом. Я Стаса Пономарева уже послал к нему. Самому после той нашей стычки ехать как-то не захотелось. Все-таки поцапались мы основательно. А Пономарев – лицо тоже заинтересованное. Он же вел дело по убийству Сотникова, пока Костя не впихнул его мне. Вкупе со всеми остальными банкирами. Четыре «висяка», а? Ну я и сказал Стасу: будешь теперь по моей команде рыскать. Включил его в бригаду. Бегают. А вчера вдруг заявляет: ваш знакомый Викулов, оказывается, большой научный труд пишет о преступности в связи с расширением коммерческой банковской деятельности. И тоже про желтый портфель упомянул, о котором ты говоришь. Ну, а я чего? Езжай тогда, говорю, но пусть это будет твоя личная

инициатива. А я к ней пока отношения не имею. И смотри, говорю, чтоб тебя этот бурбон за шкурку не выкинул, когда узнает, что ты в моей бригаде банкиров «раскручиваешь». Не знаю...

– Чего не знаешь? – удивился Грязнов.

– Не знаю, на кой черт нам это надо? Научный труд! Фигня это все, Славка, теория, а надо умнее жуликов ловить. Ладно, поеду к себе. Спасибо за то, что хоть ты утешаешь... От наших дождешься, как же!

– На дорожку не хочешь? – Грязнов потянулся к сейфу.

Но Турецкий отрицательно покачал головой.

– Там уж, поди, Стас вернулся.

– Так куда ты несешься? Позвони, прежде чем ехать! Есть же у него мобила?

– Есть... Верно, чего не позвонить-то?

И пока Турецкий набирал номер Пономарева, Грязнов добавил:

– А со своим приятелем ты постарайся сейчас как-нибудь помягче. Беда у него.

– Что такое?

– Да с дочкой, понимаешь... Уже вроде свадьба намечалась, а тут вляпались. Жениха избили, и он пропал. А девчонку какие-то мерзавцы изнасиловали. Теперь она в больнице.

– Это Маринка-то?! – ужаснулся Турецкий. – Да я ж ее вот такой помню! – Он показал рукой над полом. – Ой, мама, что творится!.. А кто? Нашли?

– Как же! Держи карман! Ищут пока. Уже несколько дней ищут. Но все безрезультатно.

– Да что это такое?! – вскипел Турецкий. – Грош нам всем цена, если мы такое элементарное дело распутать не можем!

Грязнов с сомнением покачал головой:

– Там, вообще говоря, какая-то темная история. Заявления от потерпевшей поначалу не было. Но по горячим следам ребята из местного отдела внутренних дел порыскали, допросили, кого смогли, а потом будто бы поступила информация, что потерпевшая просит дела не возбуждать. В общем, время прошло, генерал как бы сам взялся за частное расследование, вспомнив свое оперативное прошлое. А ты знаешь, когда кто-то слишком на себя надеется, результат практически нулевой. Как правило. Потом к местным сыскарям пришло оттуда, – Грязнов поднял палец в сторону потолка, – указание дело об изнасиловании засекретить и проводить без огласки. А языки-то надо было раньше запирать, теперь же всем все известно. Словом, скажу тебе, Саня, обычный совковый бардак. Занимаются, конечно, но, подозреваю, через пень-колоду. Так что ты, зная ситуацию, не сыпь соль на рану... Ну, а я что? Инициатива, как тебе известно, наказуема. Мне нынче звонил твой драгоценный шеф и предложил, как всегда, в ультимативной форме, подключаться к твоему расследованию и взять на себя оперативно-розыскные мероприятия. Наверное, чтоб ты меньше бегал. Вот так. Считаю, что я уже приступил.

Глава 6

Дачка на Пахре

Пономарев приехал от Викулова сердитый. Турецкий встретил его с поощрительной улыбкой.

– Ну давай, что сумел накопать у нашего теоретика?

– Да ничего!.. Общие соображения, не больше. То, что мы с вами уже не раз обсуждали насчет кредитов, их незаконного прокручивания и так далее. Все это – на поверхности. Не знаю, может, кому-то и будет польза от всех ихних «теорий», только нам, пашущим на земле, от них ни холодно ни жарко. Разве что как пример... Иллюстрация.

– А что конкретно? – настаивал Турецкий.

– Ну какие-то обобщения по всем этим последним, «банковским» делам. Во-первых, поразительная наглость нападавших. Попытку ограбления, к примеру, даже и не инсценировали. Киллеры, похоже, действовали под личиной врачей «скорой помощи». Были замечены белые халаты. В двух случаях из четырех известных. Я тут для себя выписал кое-что, если хотите, дам прочитать.

– Естественно, хочу. А сам Викулов как выглядит сейчас?

– Ну вы же в курсе, наверное?

– В курсе.

– Так и выглядит. Вами интересовался. Я понял, что хочет встретиться. Возможно, как раз по этому поводу. А вообще, скажу вам, Александр Борисович, меня во время разговора с генералом не оставляло ощущение, что все эти банкиры, труд этот его и остальное ему сейчас абсолютно до лампочки. И выглядел он таким растерявшимся опером, который парочку раз грандиозно сел в лужу. Но мне не отказал, ответил на все мои вопросы, позволил даже ксерокс снять с некоторых своих документов. Но, я повторяю, в основном общие соображения.

– Ладно, тогда продолжаем заниматься своими делами. Теория теорией, а нам нужны убийцы...

Впоследствии выяснилось, что Стас Пономарев был вовсе не далек от истины, характеризуя генерала как провалившегося опера. Викулов в какой-то момент, обуреваемый ненавистью к насильникам, а также почему-то повинувшись, вопреки всякой логике, просьбе дочери не поднимать шума, поскольку все равно никого наказать не удастся, а грязи на ее голову выльется предостаточно, решил взять бразды расследования в собственные руки. Казалось, он это сможет. Он был достаточно уверен в своих силах, в своем опыте, наконец. И потому уговорил Марину написать-таки заявление, которое и было передано в то самое отделение милиции, сотрудники которого примчались первыми по вызову из ресторана.

А в один из дней Василий Георгиевич, сменив генеральскую форму на обычный костюм, решил заняться личным сыском. Ему все казалось, что местные оперативники просто не умеют работать... Понимал, что поступает не совсем умно, но что-то его прямо-таки подталкивало действовать.

Он несколько раз посетил злополучный ресторан, где, как всегда, сражались гладиаторши, срывая друг с дружки узкие тесемки, которые лишь условно можно было назвать купальниками. И белокурая «Жизель», потеряв опору и последние лоскутья, ловко падала, раскинув ноги. И трюк этот неизменно вызывал шок у публики, которая стремилась тут же, немедленно и щедро, вознаградить пострадавшую.

За одним из столиков, где собрались бритоголовые хмыри, Викулов услышал однажды обрывки фраз о «чувихе», которую здесь «трахали». И хотя ничто не указывало на Марину, он решил выследить одного из парней.

Стесняясь собственного легкомыслия и оставив машину, он сел в троллейбус. Только жуткая обида за дочь и непримиримость Марины заставляли его действовать таким образом. Он проехал несколько остановок, наблюдая за бритоголовым. Незамеченным сошел на остановке, где тот выскочил. Долго плутал между зданиями, стараясь не упустить его из виду. Когда, наконец, громады зданий сомкнулись, парень исчез. Викулов растерянно остановился, размышляя, как поступить дальше. Теоретически он понимал, как надо грамотно вести слежку, и готов был уверенно учить этому других. Но гнев и боль затуманили ему голову. А может быть, он никогда и не был расположен к сыскной работе? Во всяком случае, оставшись в одиночестве, он почувствовал себя беспомощным.

А когда повернул назад, бритоголовый как из-под земли вырос перед ним.

– За мной следишь, сука? Чего надо?

Поправив очки, Викулов хотел изобразить удивление, но от размахистого тычка полетел в канаву. И пока искал очки, бритоголовый как появился, так же внезапно и пропал из виду.

В местном отделении милиции Викулов представился, однако не стал рассказывать о своей позорной слежке. Но потребовал, чтобы ему показали все материалы расследования. Затем просмотрел картотеку преступников, втайне надеясь обнаружить в ней своего обидчика. Однако так и не нашел.

Тем не менее хорошо поставленным твердым голосом он потребовал отчета у местных пинкертонов. И убедился, что они так же далеки от разгадки, как и он сам. Но замначальника отделения седеющий майор Феклистов по кличке Лупатый вовсе не был намерен принимать обвинения в бездеятельности. И на все вопросы и упреки отвечал заученными фразами:

– Работаем. Стараемся...

Он запомнился глазами навывкате, выпирающим кадыком и вставными челюстями. А мог бы запомниться еще пристальным взглядом и неторопливыми движениями, которые свидетельствовали о его внутреннем спокойствии и благополучии.

Он вежливо проводил недовольного генерала, но при этом не потерял уверенности и достоинства. Вытянувшиеся в струну оперы понимали, что генерал не был их непосредственным руководителем. Однако не могли и не восхититься выдержкой своего начальника, старались брать с него пример.

Никто из молодых не предполагал, что спокойствие Лупатого происходило вовсе не от силы воли, а от сознания, что главная опасность кроется совершенно в ином.

Вечером того же дня Феклистов был настроен нервно, рычал на домашних, ожидая телефонного звонка. И когда в условленный час заговорил мобильник, он представил себе на другом конце Москвы широкоплечего горбоносого человека и ответил с волнением, прикрывая рукой телефон, чтобы кто-нибудь из домашних не мог его услышать:

– Так точно... Бульдозку приводили. Предлагали купить. Нет... Про Филю не упоминали. Картотеку пришлось показать. Но там же... Да... Там никого нет.

Феклистов восхищался собственной изобретательностью. Поди догадайся, о чем беседуют два собачника. Зато горбоносый прекрасно знает, что под «бульдозкой» подразумевался генерал Викулов, внешне похожий на пса этой породы. А смысл его визита зашифрован в словах «покупка», «картотека».

По существу, важнейшая информация. За такую информацию горбоносый всегда платил щедро. Вот уже и домик на Пахре – в три этажа с гаражом и банькой – построен на эти «благотворительные пожертвования». И до сих пор никто ничего не заподозрил.

О том, что такая информация вызовет сразу несколько смертей, Лупатый привык не думать. Ежу понятно, что Борец немедленно примет меры. Но это не имеет отношения к заветной дачке майора Феклистова на Пахре.

Глава 7

Найти след!

Звонок Викулова застал Александра Борисовича в кабинете, когда тот собирался уходить. К его несказанному удивлению, давнишний приятель, оппонент, а в последнее время откровенный недоброжелатель, попросил о личной встрече.

– Готов прибыть, куда скажешь, – шутливо заметил Турецкий.

– Нет. Я сам приеду, – торопливо отозвался собеседник. – Скажем, через час. Можно?

– Буду ждать.

– Спасибо...

Турецкому даже показалось, что эхом пронеслось по проводам его имя... Саша... Так Викулов не называл его уже лет десять.

Поведение заносчивого Васьки, Василия Георгиевича, могло бы вызвать удивление, если бы Турецкий не отучил себя удивляться чему бы то ни было.

Осталось терпеливо ждать.

Викулов появился минута в минуту. Сильно постаревший, как показалось Турецкому.

– Кофе? – вопросительно глянул Турецкий.

Викулов помедлил с ответом.

– А чего покрепче не найдется? Запретил себе думать об этом в связи с некоторыми событиями. И вполне удавалось. А увидел тебя и понял, что необходимо ослабить узду. Тем более что рабочий день кончился.

– Если учесть, что у всех нас рабочий день не нормирован, можно ослаблять узду в любой момент. Ради хорошего настроения.

– Ну, хорошего настроения у меня, наверное, уже не будет никогда.

Турецкий взглянул с прищуром, потом неторопливо поставил рюмки и разлил коньяк.

Викулов опрокинул рюмку не поморщившись, будто выпил простую воду. К разломанной шоколадке не притронулся. Турецкий понял, что время шутливых реверансов прошло, и тоже молча выпил.

– А все-таки то, что ты в молодости занимался спортом, сказывается, – произнес неожиданно Викулов.

– Я и сейчас занимаюсь, – последовал ответ. – Разумеется, не так, как раньше.

– Да... Хорошо... – неопределенно произнес Викулов, смерив взглядом спортивную фигуру собеседника. Широкие плечи, обозначенная талия. После сорока это уже роскошь.

– Что хорошего?

Викулову хотелось сказать, что он оценил, наконец, мастерство Саши Турецкого как следователя. А сам, годами поучая других, не смог ничего добиться в простом на первый взгляд деле. Решил провести собственное расследование, чтобы уберечь дочку от лишних сплетен и треволнений, и запутался, оказался бездарен, как старый тюфяк. Такие мысли и чувства переполняли Викулова, но он никак не мог начать разговор. Мешали застарелые комплексы.

– А я вот видишь? Всегда пренебрегал физкультурой. – Викулов похлопал себя по животу. – Отсюда и расшатавшийся комок нервов. И сердце без нитроглицерина уже не служит.

Турецкий взялся было за бутылку, но не стал наливать.

– Вася, давай по делу, – попросил он. – Не для приятельских же разговоров ты приехал, я полагаю?

От этих слов Викулову заметно полегчало, и он мысленно собрался.

– Слышал, что случилось с моей дочкой? – произнес он медленно.

Турецкий кивнул:

– Да... Славка Грязнов говорил. Прими мое самое искреннее сочувствие.
Викулов почти сполз – так вдавилось в кресло его грузное тело. Он достал платок и вытер лоб.

– Плесни-ка еще... А себе чего?

– Нет, я пока послушаю.

Викулов тяжело вздохнул:

– Марина. Моя дочь... не хочет, чтобы возбуждали уголовное дело. Лишь бы не было огласки. Достаточно позора, говорит, и многое другое... Я попробовал сам найти мерзавцев. Казалось бы, плевое дело. В ресторане же, не в лесу происходило... Только где их теперь найти, свидетелей. А персонал?! Все происходило на их глазах. И никто не дал никаких показаний! Был я в отделении, на территории которого располагается этот вонючий ресторан. Читал протокол осмотра места происшествия в этом отделении милиции – пустота! Словоблудие! И не собрано ни одного факта, ни одного ясного свидетельского показания кого-либо из очевидцев. Мало того, когда я говорю с директором заведения, он просто бледнеет, потом покрывается какой-то синюшной сыпью от ужаса. Насиловали же Марину в том же ресторане, во внутренней комнате. Я там побывал. Ее тащили на глазах у официанток и бармена. Но те молчат как рыбы. И у всех выражение ужаса. Саша, кто хозяин в нашем городе?

– Ну уж не мы с тобой!

– Извини! До последнего времени я все же думал иначе.

– Чего ты хочешь?

– Хочу просить помощи. Я нутром чувствую, что тут засветились не хулиганы и даже не маньяки. Никто бы не бледнел так перед ними. Тут были такие авторитеты... или по крайней мере один авторитет, который перешибет все другие. Вот в чем моя догадка! Но доказать я не могу. Поэтому обращаюсь к тебе. Помогите, Саша...

Несколько мгновений Турецкий оставался неподвижен.

– Так ведь не делается, – с усилием произнес он. – Руководство прокуратуры должно поручить мне расследование этого преступления. В этом случае я возбуждаю дело и приступаю к расследованию.

– Но ведь дело уже возбуждено! А толку никакого. Без движения. Работаем... Старемся... Врут, сволочи! И если я прав, если это не местная шпана, а серьезная банда типа солнцевской, которая могла просто по незнанию проколоться, то тогда Марине грозит смертельная опасность. Она же теперь свидетель! Хуже того – потерпевшая. И на свою беду дочь крупного милицейского чиновника. Не хочу преувеличивать, но недооценка ситуации в данном случае крайне опасна. Помогите, Саша! Если я ошибаюсь, хорошо. Но никто не даст гарантии, что не произойдет худшее.

Турецкий прищурился:

– Где она сейчас?

– В больнице.

– Давай съездим. Я с тобой, так сказать, неофициально.

Глава 8

Бегство

Влад Пухальский всю неделю страдал от головной боли. Видно, сотрясение мозга, которого не обнаружили врачи, на самом деле было. Чувство неуверенности прочно поселилось в нем, а последний звонок Марины поверг его в панику. После его отказа регистрировать брак она снова начала разговор о какой-то встрече. «Вот липучка! Мало того что я пострадал, теперь от нее и не отделаешься. Еще о какой-то встрече говорит... Все бабы – сумасшедшие. Надо уехать. В Иркутск. К Лине. Пусть отпуск не дали. Им же хуже!»

Вчера ему встретился Коротышка. Один из тех, кто бил его возле ресторана. Влад вполне допускал возможность ошибки, но чутье подсказывало ему, что память не обманывает. Уж очень ловко и безжалостно бил Коротышка. Там, где он наносил удары, боль вспыхивала нестерпимо. От одного этого воспоминания Владу становилось худо.

К вечеру он пошел продлевать бюллетень и, выйдя из поликлиники, опять заметил знакомый рыжий вихор, а под ним круглую добродушную простецкую рожицу со стальным взглядом.

Взгляд мог и почудиться. Но откуда столько совпадений?

Заметив недалеко милиционера, Влад с отчаянной решимостью пошел навстречу Коротышке, надеясь в случае необходимости позвать на помощь. Но приземистый парень с рыжим чубом глянул на него равнодушно, как в прошлогоднее объявление, и отвернулся. Влад поежился, рубаха прилипла к телу, но рядом с милиционером некоторое успокоение наконец наступило. И Влад, уже не оглядываясь, зашагал к автобусной остановке.

Он готов был поклясться, что Коротышки не было, когда он садился на заднюю площадку автобуса. Но в метро тот опять мелькнул впереди. И Влада охватил такой колотун, с которым он уже не мог справиться. В огромном городе, среди множества людей, спешащих, читающих, хмурых, улыбающихся, он был как в пустыне один на один со страшным монстром, ибо Коротышку наверняка сопровождали другие бандиты, или, иначе говоря, подельники. Хотя и без них он до ужаса боялся самого Коротышку. Кому сказать? Что делать? Куда бежать? Ненавистная мысль о Марине, которая стала изначальной причиной всех бед, мелькнула на мгновение и исчезла в хаосе ужаса, который забушевал в его душе.

Он даже подумал зайти в отделение или комнату милиции метрополитена. Но что дальше? Ведь не скажешь: «Дяденька, защити!» Просить охрану? А кто поверит и кто ее даст? Указать на Коротышку? Но тот исчезает ежеминутно и появляется только тогда, когда Влад остается в полном одиночестве. Позвонить Викулову? Попросить помощи? После того как он порвал с Мариной и она наверняка все отцу рассказала? Нет. Это не выход.

Домой идти нельзя. Умчаться за город? Но куда? В Очакове есть приятель, в Солнцева, в Лукине. Но сперва надо избавиться от слежки, перескакивая из вагона в вагон, как делают разведчики. Где он такое видел? В какой кинокартине?

Дождавшись, когда двери поезда почти закрылись, Влад вставил ботинок между створками, раздвинул их и выскочил на перрон. Такую операцию он повторил дважды, пока не убедился, что окончательно сбил Коротышку со следа. Это звучало солидно и поднимало его в собственных глазах. Вполне успокоившись, он сообразил, что его домашний адрес бандюги наверняка знают, устроили слежку. Он засвечивался и в больнице, и в милиции. Значит, надо рвать из города. И там отсидеться. Завалиться к Сереге Мельникову и пить, пить, пить! До посинения. После таких стрессов наплевать на бюллетень, на работу, на все! Лишь бы сохранить жизнь...

На Киевском вокзале он купил билет до Мичуринца, рассчитывая сойти сперва в Переделкине, и прошел через турникет. Приблизившись к поезду, незаметно осмотрелся. Ничего подозрительного не обнаружил, благо людей на перроне можно было пересчитать по пальцам. Юркнул в вагон. Выглянул. Было спокойно, ничего угрожающего не наблюдалось.

В вагоне веселая компания возвращалась с какой-то свадьбы. Пели песни, вспоминали невесту и жениха. И что-то говорил такое, что время от времени дружная компания покатывалась от хохота, и тогда становились видны две премиленькие девицы, которые, очевидно, и заряжали парней буйствующей энергией.

Мир казался прочным и надежным. Влад Пухальский постепенно опять ощутил себя хозяином своей судьбы. Даже, достав из кармана мятую газету, попробовал читать. Но газета пугала убийствами, наркотиками. Глазам отдохнуть было не на чем. Чтение страшилок не успокаивало, а, наоборот, взвинчивало нервы. Но чтобы это понять, потребовалось как раз время, чтобы доехать до Переделкина.

Влад поднялся, скомкал газету и двинулся к выходу. Вдруг его качнуло. В переднем тамбуре мелькнула круглая физиономия. Новый приступ страха потряс его до тошноты. Убедить себя, что это не Коротышка, Владу не удавалось. Он стиснул зубы, чтобы унять дрожь, и как в тумане пошел к противоположному тамбуру. Там стояли несколько динозавров с бутылкой и сигаретами, которые не пропустили его к выходу.

– А тут двери не открываются! – хохотнул самый длинный.

Створки в самом деле не открылись. Перескочить в другой тамбур Влад не успел. Переходную дверь тоже заклинило. Вагон быстро проплыл мимо платформы. Влад заглянул в широкий проем на ряды пустых скамеек. Свадебной компании не было. Прямо по проходу шел Коротышка, перебирая крепкими пальцами по рукояткам скамеек.

Сковавший тело нарастающий ужас и был тем последним чувством, которое испытал Влад.

Глава 9

Поединок

Больничный режим расписан по часам. В десять – отбой. Большинство оперированных и выздоравливающих расселись возле телевизора. И будут наверняка просить строгую старшую сестру дать еще хоть несколько минут, чтобы досмотреть очередную мыльную оперу. Последние сладенькие минутки.

Раньше Марина презирала мыльные оперы. Здоровым и счастливым людям смешны выдуманные страсти бразильских «гуантонамос». Но в больнице, когда настроение, здоровье, а иногда и жизнь – на волоске, многое меняется. Марина запомнила старушку, которую трижды оперировали, неизвестно, в чем у нее душа держалась. Так эта старушка первая ковыляла к телевизору смотреть пустенький латиноамериканский фильм и, качая головой, резаная-перезанная, мученая-перемученная, наблюдая за конфетными страстями на экране, говорила сочувственно:

– Какая сложная жизнь!

Значит, ей это было нужно.

Когда Марину охватывала хандра, она тоже смотрела мыльную оперу без претензий. Но теперь настроение изменилось, из глубины души поднимались энергия и злость. Когда что-нибудь не ладилось, она с привычным гневом думала об отце, точно он один был виноват во всех ее бедах – провале экзаменов, неправильном выборе института, несостоявшейся свадьбе, даже отмене собственного юбилея. Что бы он там ни говорил, будто сделал это из-за нее. Ей так хотелось посиять в лучах отцовской славы. А когда еще ухватишь эти лучи? Наверное, пришел бы его давний приятель Турецкий, в которого Марина в детстве была влюблена. Конечно, это смешно, но все равно интересно. Она бы и Влада показала. Пусть он не так эффектен, как когда-то Турецкий, – детская влюбленность не совсем прошла. Зато Влад – маг и чародей в информатике и может заработать за один день больше, чем Александр Борисович за месяц неустанного черного труда.

Марина остановилась в вестибюле, опомнившись. Какой Влад? Какая гордость? Ум за разум заходит. После того что случилось... Марина опять с неприязнью подумала об отце, будто он был виновником ее больничного заточения. Хорошо хоть в отдельную палату положили.

Мысль об отдельной палате настроила ее примирительно. Впрочем, и без всякого повода отношение ее к отцу менялось по нескольку раз в день. И дело было в нем, а не в ее характере. Ей удавалось видеть отца на работе собранным, энергичным, решительным. Лицо его подбиралось, розовело, глаза взирали сурово, и таким он больше ей нравился. А при ее появлении взгляд отца смягчался, сникал, казалось, им уже могла управлять любая секретарша. В такие минуты Марина не терпела любых отцовских замечаний или возражений. И говорила резким командным тоном, а он соглашался, пожимал плечами и затихал.

Ей казалось, она любила отца всяким, даже слабым. Но он ее не понимал, а она не прощала ему этого непонимания.

Думать про недостатки отца было легче, чем о предательстве Влада, и Марина еще раз подумала, что нужно как можно скорее «бечь» из родительского дома, чтобы обрести наконец самостоятельность и свободу.

Коридоры были пусты. В фойе, где стоял телевизор, слышался недовольный шум. Видно, старшая сестра не разрешила продлить телесеанс. Постепенно зрители разошлись и воцарился покой.

Марина стояла у занавески, почти невидимая со стороны, и наблюдала, как изредка дежурные сестры, врачи, запоздавшие посетители входили и выходили из лифта, обменивались какими-то фразами, иногда улыбками. А Марина рисовала себе жизнь каждого и этим развлекалась, прогоняя дурное настроение и предчувствие бессонной ночи.

Сон пропал после разговора с Владом, и Марина не могла ничего с собой поделать. Потрясение было слишком велико. Если бы не отец, она бы наверняка выбрала другой институт, а не Плехановку, не познакомилась бы с Владом и не переживала бы того, что переживает сейчас.

Представив еще одну мучительную ночь, она решила больше не бороться с бессонницей, тем более что из этих борений ничего не вышло, и попросить снотворную таблетку у сестры. Но сестру позвали в это время в соседний блок. Халатик ее мелькнул на лестнице, и каблучки застучали по ступенькам. Старшая сестра следила за фигурой и пешком поднималась с этажа на этаж.

Марина хотела уже покинуть свое убежище, свой удобный наблюдательный пункт, когда новый эпизод привлек ее внимание. Створки лифта с мелодичным звоном растворились, и на мраморные плиты вестибюля ступил молодой человек исключительно эффектной внешности. Марина никогда не была поклонницей мужской красоты, но тут не могла не залюбоваться. Вошедший был высок. Волнистая черная шевелюра была настолько хороша, словно ее только что заботливо уложили лучшие парикмахерские руки. Тонкое изнеженное лицо, орлиный профиль, горящий взгляд глубоких черных глаз, уверенная мужская поступь. На его плечи был небрежно, как будто наспех, накинут белый халат. Но это был явно не врач. Судя по ухоженной шевелюре, он мог быть, к примеру, композитором. Такими красивыми могут быть, конечно, исключительно композиторы. Наверное, он талантливый, избалованный успехом, но еще не утеревший привлекательных человеческих черт, свойственных молодым людям.

Он прошел из вестибюля в коридор, не заметив Марину. А ей вдруг нестерпимо захотелось узнать, куда идет этот красавец, кому так несказанно повезло. Ибо в такой поздний час может прийти только любящий человек. А охрана пропустила, потому что он, безусловно, человек со связями.

Ей не хотелось, чтобы он обнаружил наблюдение, это было бы глупо и как-то по-детски. Поэтому Марина постаралась незаметно проскользнуть за ним из вестибюля.

Незнакомец шел по коридору уверенно, правда почему-то бесшумно. Шагов не было слышно. Как будто, вытягивая ноги, он ступал на цыпочках. Изредка незнакомец поглядывал на номера палат и нигде не задерживался. По мере его продвижения оставалось все меньше кандидаток на тайное свидание, которые по молодости своей могли на это претендовать. Отпали Тоня, Люся, Валерия, молодые девчонки. Дальше была палата старушек.

Вдруг незнакомец остановился перед одноместной палатой, и Марина увидела, что он взялся за ручку двери, чтобы войти «к ней». Любопытство сменилось недоверием, а потом страхом. Не будь Марина дочерью милиционера, ничего другого, кроме недоразумения, она бы не могла вообразить. Но тут холодок ужасной догадки сжал ее сердце. Она попятилась неслышно, чтобы скрыться в вестибюле за портьерой или успеть вызвать лифт. И ноги сами понесли ее.

Незнакомец вышел из ее палаты и поймал взглядом мелькнувшее синее платье. Шаги его вдруг сделались громкими, оглушающими. Марина бежала, но незнакомец ее настигал. Она схватилась за портьеру, пытаясь защититься.

Дверь на лестницу распахнулась. Кто-то бежал на помощь. Ударившись о стену, звякнул нож. Кто-то прыгнул на незнакомца и тут же отлетел, отброшенный ударом ноги. Марина, не соображая ничего, увидела, как незнакомец прыгнул за своим ножом, но второй мужчина теперь сумел отбросить его ударом ноги. И они покатались по полу. У Марины вдруг прорезался голос, и она закричала. С лестничной площадки выбежал еще один человек, и Марина

узнала отца. Сухо треснул выстрел. Марина наконец узнала мужчину, который бросился ей на помощь и дрался с незнакомцем. Это был Турецкий.

Викулов трясущимися руками прижал к себе Марину.

– Ты в порядке? В порядке? – спрашивал он, тормоша ее и приводя в чувство. Потом повернулся к Турецкому. – Ну что он?

Турецкий поворачивал из стороны в сторону голову незнакомца.

– Эх, Вася, Вася! Кто ж тебя учил так стрелять?

Поглядел на Марину, испуганно прижавшуюся к отцу, и ободряюще кивнул.

– Ладно! Слава богу, успели... Лучше так, чем никак. – Он дотронулся до белого халата на убитом. – Смотри-ка! Надо же, сплошные совпадения! Опять белый халат...

Викулов сокрушенно развел руками.

Марина смотрела на него во все глаза, осознавая постепенно, что произошло. Но Турецкий не дал ей опомниться.

– Быстро в машину, – скомандовал он. – Может быть, этот «доктор» пришел сюда не один. За твоими вещами мы придем, – обратился он к Марине.

Она подошла к нему, ощутила близость крупного мужского лица, небритость щек, мощное дыхание. Вынув из кармана платок, вытерла на его лице длинную ссадину. Можно ли было это сделать с большей любовью?

Глава 10

Выводы эксперта

Из рапорта оперуполномоченного угро:

«На двадцатом километре Киевской ж/д найден труп мужчины. Лицо обезображено. Документов нет. Одет: синие джинсы и черная вельветовая куртка. Особые приметы: родимое пятно на локте размером 1,5 см.

Старший уполномоченный уголовного розыска линейного отдела транспортной милиции капитан милиции В. Н. Силаев».

– Ознакомься! Тот, кого мы искали.

Грязнов протянул рапорт Силаева Александру Борисовичу. Турецкий прочитал и вернул бумагу Грязнову.

– Личность точно установлена?

Грязнов кивнул:

– Да. Потому что знали, кого ищем. А родимое пятно на локте – примета безошибочная. Убийцы про него не знали, когда кромсали лицо.

Турецкий помолчал.

– Вот от этого мы и уберегли дочку Викулова, – произнес он задумчиво. – И заметь: снова белый халат. Как в случае с Сотниковым.

– Ну, положим, халат для больницы – дело естественное, – возразил Грязнов. – Туда без халатов вообще никого не пускают. Поэтому прямой связи я здесь не усматриваю. Впрочем...

– Что ты хотел сказать? – вскинулся Турецкий.

– Да подумал, что связь-то все-таки может и оказаться... Не прямая, а как бы...

– Ну не томи, говори!

– Понимаешь, Саня, этот твой Викулов тряс перед телекамерой своим портфелем, утверждая, что в нем лежат доказательства против, условно говоря, тех, кто «мочит» банкиров и их «крыши». Может, за попыткой убийства его дочери, которая теперь является, по сути, единственной свидетельницей, знающей насильников в лицо, и стоит их желание узнать, что же в конечном счете известно генералу? Убили дочку, сломили отца, избавились таким образом сразу от двух напастей?.. Это в том случае, если между насильниками и убийцами банкиров существует связь. В чем у меня немало сомнений. Но как одну из возможных версий, разве что...

– Вот такая еще деталь, – задумчиво сказал Турецкий. – Когда Василий приезжал ко мне, ну, накануне этого покушения в больнице, он сказал одну любопытную вещь, на которую я как-то не сразу обратил внимание. А теперь думаю: в его наблюдении что-то все-таки есть

– Это ты о чем?

– Он говорил, что когда сам приезжал в тот ресторан, где разворачивались события... Там с ним, понятное дело, и ОМОН был, а перед ними местные сыскари все облазили, что могли... Короче, он говорит, что, едва речь заходила о том, кто в тот день «гулял» в кабаке, буквально все рты сами собой запирались на замок. Будь там, скажем, обыкновенный хулиган или даже бандит, такого страха бы не было. А обслуга боялась, причем сильно! Значит, там присутствовал кто-то из очень серьезных людей. И когда начинаешь сопоставлять... Нет, что-то в самом деле есть. Надо думать...

– Ну, предположим, у Сотникова хоть крутились огромные деньги. А на фига бандитам малолетки? Или просто эта банда, что называется, оттянулась по ошибке не с той девкой? Случай такой у них приключился...

– Все может быть.

– Как ты недавно говорил? Что объединяет все нераскрытые «банковские» убийства?

– Большие кредиты. Подчас огромные. Если бы можно было вскрыть все банковские операции в Москве и проанализировать их, я бы с большой точностью мог определить, кто будет следующей жертвой.

– Но зачем же им «мочить» банковских должников? Уж покойник-то наверняка не вернет взятое.

– В том-то и фокус! – словно обрадовался Турецкий. – Недобросовестный должник платит жизнью. Но остается его банк! И напуганный преемник – новый президент – исполняет все условия, отдает долги. Заметь, когда, например, устранили Берулаву, то сменивший его президент банка «Эксполес» Макаенок тут же вернул кредит банковской ассоциации, где его брал покойный Берулава. Правда, «Эксполес» при этом оказался на грани банкротства, зато в денежных отношениях все было чисто.

Грязнов потянулся к пачке сигарет и закурил.

– Все это интересно как версия. Другими словами, бандиты выбивают долги. Значит, есть интерес, проценты от сделки, верно?

– Вот кабы наш уважаемый доктор юридических наук не оказался таким шустрым и не убил, а ранил того «красавчика» в больнице, мы бы уже могли иметь хоть какие-то сведения о тех, кто его послал.

– Так бы он тебе и сказал! – усомнился Грязнов.

– А ты у нас на что, мастер допроса? – хмыкнул Турецкий. – Силен был паренек... Уж на что я тренированный человек, приемами кое-какими владею, говорят. Опять же черный пояс имел по самбо... А ведь он меня, Славка, едва не приделал! Профи... Причем высокого класса.

– Не огорчайся, Саня, – засмеялся Грязнов, – просто у него пояс совсем новенький, а у тебя малость поистерся.

– Насчет поистерся, это еще как сказать! – с некоторым вызовом произнес Турецкий. – Просто он готов был в тот момент лучше. Я ведь не шел на убийство. А он все знал и шел. Нас он расценил однозначно. Поэтому и опережал меня на доли секунды.

Грязнов, однако, не принял словесных оправданий и усилил напор:

– Надо было в те самые доли секунды быстрее соображать. Если бы ты справился с этим отморожком до выстрела Викулова, тот бы сейчас не оказался под следствием. На него ведь заведено уголовное дело в связи с убийством Умарова. Знаешь?

– Еще бы! Меня самого притянули свидетелем по этому делу. В шестнадцать тридцать вызывают на допрос.

Неторопливо закулив, Грязнов разогнал ладонью дым.

– Вот-вот! Закон есть закон. За убийство надо отвечать.

Турецкий кивнул:

– Даже если это убийство бандита...

– Надо еще доказать, что он бандит.

Они впервые расстались недовольные друг другом. Грязнов собирался предупредить Сашу по-дружески, чтобы тот всерьез отнесся к уголовному делу Викулова. Турецкий, как ему показалась, слишком легкомысленно это воспринял. Но, по привычке ерничая и подшучивая, они не поняли друг друга, и всегдашнее понимание сменилось у обоих чувством досады.

Возбуждение уголовного дела против Викулова в институте восприняли по-разному. Большинству, как и Александру Борисовичу, ситуация казалась яснее ясного. Но нашлись и такие, кто по злобе желал своему нынешнему директору или недавнему конкуренту еще больших неприятностей и бед.

Постепенно судьба раздала всем сестрам по серьгам. Первые еще крепче уверовали в свою правоту, вторые довольствовались тем, что директор НИИ изрядно настрадался.

Помимо Турецкого, следователь Широнин, ведущий это дело, допросил Марину, главного врача больницы и охранников, которым влетело больше всех за разгильдяйство. Ибо, как выяснилось, в период объявленного карантина и ограничения количества посещений Умаров проник в палату без всяких пропусков.

Большую, хотя и формальную роль сыграло то обстоятельство, что Турецкий зафиксировал в медкомиссии ранение Марины, нанесенное ножом Умарова. По существу, это была пустячная царапина. Но в уголовном деле сам факт выглядел значительным. В конце концов, как было ясно многим с самого начала, следствие подтвердило, что Викулов действовал в пределах необходимой обороны.

Зато во весь рост начала вырисовываться зловещая фигура Умарова. У следователя Широнина был соблазн предположить и отработать чеченский след, но он не позволил себе упрощать задачу.

Обыск в квартире Умаровых не дал никаких сведений, за которые можно было бы зацепиться. Происходил Умаров из благополучной, обеспеченной семьи. Отец его работал стоматологом в частной клинике и зарабатывал достаточно, чтобы жена могла заняться тем, что и положено женщине, – домашним хозяйством и воспитанием сына. Тот ни в чем не знал отказа, и его участие в банде стало для родителей чудовищным потрясением. Мать слегла с инфарктом. Отец разрывался между клиникой и больницей. Но следователь Широнин и эти моменты подвергал сомнению.

Покушение на Марину, по мнению следователя, было связано с убийством ее жениха Влада Пухальского. А значит, не изувер-одиночка, а какая-то банда их настойчиво преследовала. Видимо, дело было в том, что Марина оказалась дочерью высокопоставленного милиционерского чиновника, и кто-то из бандитов заметал следы.

Проверка по картотеке ничего не дала: прежде Умаров в поле зрения работников правоохранительных органов не попадал.

Широнин понимал, что покушение на Марину не было подготовлено тщательно. Все произошло словно второпях. Может быть, сменили исполнителя в последний момент? И для Умарова предназначалась другая роль? Нож, которым он был вооружен, оказался необычной формы. Широнин отправил его на экспертизу и попросил обратить внимание на факты, имевшиеся в деле погибшего жениха девушки. Выводы эксперта его не удивили: «По характеру ранений убитого на 20-м километре Киевской ж/д не исключается участие Умарова в этом инциденте».

Докладывая начальству, Широнин отметил, что, судя по всему, Умаров нигде не работал. Возможно, однако, что он не хранил никаких бумаг, дабы в случае обыска скрыть всевозможные контакты и следы. Но дрался он профессионально, значит, где-то обучался. По этой тропочке Широнин намеревался пойти дальше и найти какие-нибудь связи, а может быть, действительно обнаружить чеченский след.

Глава 11

Юбилей

Пробираться по Москве в часы пик удовольствие ниже среднего, думал Турецкий, простаивая в скопище машин, которые медленно двигались по Бульварному кольцу. Хорошо, догадался позвонить Ирине и предупредил, что задерживается. Хотя не имел права: отмечалась годовщина свадьбы. Надо было явиться не позже девяти и обязательно с цветами.

Правда, цветы в последнее время Ирина запретила покупать. Очень, говорит, наживаются на нас цветочники. Простая травинка стоит дороже пяти буханок хлеба. Ну да ладно. Куда денешься? Одна роза, наверное, не помешает.

Не доезжая до дома, он остановил машину у цветочного киоска и купил три дорожные розы. Решил устроить Ирине сюрприз. А едва переступив порог, понял, что реальные сюрпризы намного сильнее вымышленных.

Открыв дверь, он увидел в проеме празднично накрытый стол и услышал раскатистый мужской голос, чего совсем не ожидал. Ирина, метнувшаяся из кухни, успела шепнуть:

– У нас гости!

На ее лице отразились растерянность и желание как-нибудь подготовить мужа к шумному празднеству, которое они привыкли отмечать вдвоем. Тут же объявился и главный гость, которого Турецкий меньше всего хотел увидеть, – Василий Георгиевич Викулов, собственной персоной.

У окна стояла Марина.

– Долго! Долго задерживается главный юбиляр! – распелся басом Викулов, выходя навстречу Александру Борисовичу и раскинув руки. Но обниматься, однако, не стал.

– У нас сегодня два главных юбиляра, – улыбнулся Турецкий и кивнул на Ирину. – Она даже главней!

Потом повернулся к девушке:

– Марина! Это великолепный сюрприз.

Марина вспыхнула, шагнула к нему навстречу и, не ограничившись рукопожатием, пылко поцеловала в щеку. Этого ревнивая Ирина не могла бы выдержать при других обстоятельствах. Но тут сдержалась.

Сели за празднично накрытый стол, выпили за юбилей. И потекла беседа – о даче, о рыбалке, о парусах. Последовали взаимные приглашения, благодарности, обещания приехать в гости, которые никогда не выполнялись, но в дружеской беседе казались вполне осуществимыми.

– А я помнил! Я прекрасно помнил о вашей годовщине, – грохотал Викулов.

– Да? – изумилась Ирина.

– А вы помните тот дождливый день и невзрачного мальчишку, который случайно встретился вам на троллейбусной остановке. Вы ехали из загса. И помню, Ирина сияла так, что небу дождливому было жарко. Оно даже потом перестало дождить. А сегодня подсчитал и понял, что у вас юбилей. Дай, думаю, поздравлю. И Марина с радостью поддержала эту идею. Правда, Мариночка?

Взмахнув своими прекрасными длинными ресницами, Марина едва кивнула. На самом деле она была жутко против этой встречи и просто уступила просьбам отца. А настойчивость Василия Георгиевича тоже имела свои причины.

После трагической гибели жениха и покушения на нее, которые потрясли все ее существо, Марина была в шоке. Ее состояние иначе чем меланхолией нельзя было назвать. В охваченном Марину одиночестве отец оказался слабым подспорьем. Хотя именно он готов был

пожертвовать для дочери всем, что имел, и даже жизнью. Но она, вспоминая вновь и вновь подробности того страшного дня, все чаще представляла себе счастливое появление Турецкого, его самоотверженный бросок. И драку, воспоминания о которой до сих пор наполняли ее страхом. Потом облик Турецкого стал все чаще возникать в ее воображении. И она постепенно влюбилась в отцовского ровесника. Стала спрашивать о нем, интересоваться.

Конечно, она не раскрывала своих чувств. Но Викулов все понял. И ужаснулся.

После смерти жены подраставшая и хорошевшая дочка стала главным смыслом в его жизни. Он всей душой желал ей добра и счастья. А судьба распорядилась по-своему. И замужество, против которого он возражал, не состоялось совсем по другой причине, которой он не желал.

Но в отношении Саши Турецкого он принял твердое решение. Влюбленность дочери в его сверстника следовало сломать самым решительным образом. И союзником его, сама того не зная, стала Ирина. Он решил привести Марину в дом, в семью давних друзей, чтобы дочь своими глазами убедилась в прочности их союза. А зная красоту Ирины, ее умение выглядеть особенно восхитительно в нужное время, в назначенный час, Викулов не сомневался в успехе задуманного. Для этого годился любой повод, и годовщина свадьбы подходила более всего.

Ради дочери он решил пренебречь условностями и завалиться на сугубо семейный праздник без приглашения. И когда Сашина жена встретила их в легком открытом платье, модных туфлях, в полном блеске своей еще не вянущей красоты, Викулов понял, что его расчет оправдался. Во всем остальном он положился на providение. Мнение самого Турецкого по поводу его собственной бесцеремонности Викулова мало интересовало. Он пил больше обычного, сыпал анекдотами и любопытными жизненными историями, которые в превеликом множестве держал в своем мозгу.

Да, расчет его оправдался. Несмотря на свою молодость и красоту, Марина была сражена блеском и притягательностью зрелой женщины.

Достаточно было одного слова и взгляда между мужем и женой, чтобы понять, что союз их прочен, любовь не ушла, а главное – любое покушение на нее со стороны уже представляется невозможным.

И хитрый Викулов, наблюдая за дочерью, видел, как смятение ее уходит, взгляд успокаивается и пламень, охвативший ее при появлении Саши Турецкого, постепенно гаснет.

Теперь можно было спокойно вернуться к любимой работе. Выпитое уже давало себя знать, и, когда хозяйка случайно упомянула Славу Грязнова как давнего друга дома, Василий Георгиевич с ней благосклонно согласился, но тут же вспомнил Игнатова и разразился бранной речью. Турецкий вовсе не хотел превращать семейный праздник в производственное совещание и пробовал остановить Викулова. Но того уже понесло.

– Он же прохиндей, этот Игнатов, хоть и генерал! – кричал Василий Георгиевич. – Я тоже генерал. Но я чист. А у него откуда миллионы? У него на трех дачах круглые сутки гудят экскаваторы. А знаешь, сколько по нынешним временам стоит один час работы экскаватора? То-то!

– А ты что? Бегаешь и смотришь? – спросил Турецкий.

– Я не бегаю! – вскричал обиженно Викулов. – Но мне говорят. Все же видят, что у этого замначглавка все рыло в пуху. Я мог бы назвать десятки примеров взяточничества, которые известны. Заметь! Но все молчат. Хотя знают. У него не только рыло в пуху, но и он сам!

– Пух – это не доказательство, – попробовал шутливым тоном урезонить его Турецкий.

– Вот именно, – согласился вдруг Викулов. – Попробуешь соскрести этот пух, так тебе руки оторвут прямо с мясом. Но у меня е-есть доказательства! Я прямо так и сказал Игнатову.

Несмотря на выпитое, Турецкий почувствовал легкий холодок в груди.

– Когда сказал?

– Сегодня, – Викулов опустил буйную кудлатую голову и присмирел. – У нас был крупный разговор.

Производственную тему удалось перебить только музыкой. Викулов широким жестом позвал танцевать Ирину. Турецкому ничего не оставалось, как пригласить Марину, хотя он знал, что Ирка будет жутко ревновать. В любом случае. Поэтому он старался не приближаться к молодой девушке, а галантно вел ее на расстоянии.

– Хорошо, что я пришла сегодня, – сказала вдруг Марина. – Я все поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.